PG 3337
.K62 A6
1837

THE LIBRARY OF CONGRESS
1800

ПОВѢСТИ.

CYR

CYR
Iur'eva, Ekaterina [i.e. Irina Semenovna Koni, née Iur'eva]

ПОВѢСТИ.

СОЧИНЕНІЯ

Дѣвицы Юрьевой.

МОСКВА.
ВЪ ТИПОГРАФІИ С. СЕЛИВАНОВСКАГО.
1837.

PG3337
.K62A6
1837

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. Сентября 16 дня, 1837 года. *Цензоръ и Кавалеръ И. Снегиревъ.*

89-123700
EP34
03-15-89

ПОВѢСТЬ.

ЛЮБОВЬ И ДОЛГЪ.

Въ Москвѣ, возлѣ одного иллюминованнаго дома, стояло множество экипажей, а подлѣ оконъ толпа любопытныхъ. Въ домѣ былъ балъ.

»Ну ужъ веселье!« говорила одна старуха, продираясь сквозь толпу зрителей, поближе къ окну.— Здравствуй, кумушка! Ну какъ тебѣ не стыдно не сказать мнѣ, что возлѣ васъ свадьба? И то ужъ спасибо невѣсткѣ: отъ нее узнала я, что близь Гавриловны праздникъ на диво, пляска, музыка; какъ не посмотрѣть, подумала я, сподобитъ ли Богъ въ другой разъ увидѣть.

10216

—Да теперь чай поздно, кумушка? Охъ, родная, вѣдь я ужъ легла спать, а какъ она пересказала пришедши отсюда, не утерпѣла, встала... Посторонись-ка, батюшка, дай поближе взглянуть.

—Ну куда тебѣ тѣсниться, старой бабѣ, отвѣчалъ молодой мужчина, котораго старуха толкала въ спину.

—И, государь мой, ты смотришь, и я посмотрю; посторонись! покажи мнѣ невѣсту! ужъ не та ли, что въ красномъ платьѣ?

—Нѣтъ, вонъ что въ бѣломъ, да съ перьями на головѣ.

—Какая блѣдная! а, правду сказать, хороша; да чья она такая?

—Воспитанница господина Владимірскаго; онъ-то и балъ даетъ.

—А давно ли была свадьба?

—Съ недѣлю; да видно женихъ-то скупъ; и чего ждать отъ пожилаго! У молодыхъ не было никакой пирушки.

—Вышла за старика! Ахъ, моя государыня!

—Видно польстилась на имѣніе; да правду сказать, чужой хлѣбъ горекъ. Видишь: у Владимірскихъ есть сынокъ; пріѣзжалъ изъ полку, да и сталъ выговаривать отцу,

что держитъ у себя чужую и тратится на нее. Ну кто промѣняетъ сына на чужую! Вотъ бѣдную и выдали за перваго, кто посватался.

Между тѣмъ, какъ въ толпѣ любопытныхъ продолжались сужденія о свадьбѣ, гости начали разъѣзжаться, слуги кричали имена господъ, кучера принуждены были разгонять толпу, чтобъ подъѣхать къ крыльцу; послѣдній экипажъ былъ молодыхъ. Выслушаемъ ихъ исторію.

Григорій Ивановичь Владиміровъ, который давалъ балъ, по случаю свадьбы своей воспитанницы, былъ владѣлецъ ста пятидесяти душъ; воспитанный въ кадетскомъ корпусѣ и служа въ военной службѣ, онъ привыкъ къ строгому исполненію своего долга и къ порядку; былъ добръ и великодушенъ. Онъ имѣлъ жену и сына, которыхъ любилъ до пристрастія; но не смотря на эту любовь, умѣлъ сохранять къ себѣ уваженіе, и воля его была закономъ для всѣхъ окружающихъ. Добрая и благоразумная жена согласовала свои желанія съ волею мужа; а потому и собственныя ея желанія со стороны его исполнялись безпрепят-

ственно. Такимъ образомъ жизнь ихъ текла счастливо и спокойно. Пришло время, въ которое сынъ ихъ Ѳедоръ, достигшій десятилѣтняго возраста, отданъ былъ въ корпусъ; отсутствіе сына тяготило мать; но въ сіе время одинъ изъ знакомыхъ Владимірова умеръ и оставилъ жену съ тремя дочерьми въ крайней бѣдности.

Готовая на всякую помощь ближнему, Прасковья Васильевна предложила мужу взять къ себѣ одну изъ нихъ. Онъ не противился, но сказалъ: послушай, мой другъ, ты знаешь, я всегда способствовалъ желанію твоему дѣлать добро; но это такое намѣреніе, которое требуетъ благоразумія. Ты берешъ дочь у матери, и должна будешъ собою замѣнить ее малюткѣ. Въ состояніи ли ты это сдѣлать? Знай, мой другъ, что принявъ дитя на попеченіе свое, мы должны отвѣтствовать за него и предъ Богомъ и предъ людьми, какъ за своего собственнаго. Я увѣренъ въ тебѣ, ты добрая женщина, будешъ ее любить, даже баловать; но и тутъ есть препятствіе: тебѣ извѣстно наше состояніе, можешъ ли ты изъ него обезпечить ея состояніе,

а взявъ малютку къ себѣ, это уже будетъ нашъ долгъ. Но, мой другъ, говорила жена, мы дадимъ ей воспитаніе, котораго мать ея не въ состояніи дать, и тѣмъ уже сдѣлаемъ много. Воспитаніе! но знаешь ли, моя милая, какую трудную обязанность ты на себя берешъ. Назвавшись ея матерью, ты обязываешся предъ Богомъ быть наставницею, попечительницею, путеводительницею ея въ этой жизни, и за малѣйшее нерадѣніе о ея нравственности и душѣ, отдашь строгій отчетъ и въ будущей. Отъ образованія ума и сердца, отъ воли, которую должна будешь направить на все хорошее, зависитъ счастіе взятаго тобою ребенка и если, сохрани Богъ, ты не успѣешъ въ этомъ, или отъ излишней привязанности къ ребенку, или отъ другихъ причинъ, на примѣръ, у тебя родится своя дочь, которою естественно ты будешъ больше заниматься, то чѣмъ оправдаешь ты себя противъ собственной своей совѣсти и мнѣнія людей?.. Но положимъ, что ты исполнишь свой долгъ предъ Богомъ и людьми; сдѣлаешь ее хорошею Христіанкою, покажешь ей прямой

путь къ добру и счастію, образуешь ея умъ и возвысишь душу, что тебѣ конечно будетъ стоитъ довольно труда. Еще должна будешь опасаться, если хочешь сдѣлать прямо доброе дѣло, чтобъ не обидѣть несправедливо существа, ввѣреннаго тебѣ Провидѣніемъ; а особливо не попрекать ему сдѣланнымъ благодѣяніемъ, иначе все испорчено, и ты вмѣсто признательности, заставишь несчастную тяготиться твоими благодѣяніями; потому что нѣтъ ничего въ мірѣ тяжелѣе этого попрека; впрочемъ я всё это говорилъ единственно для того, чтобъ показать, какъ тяжела будущая твоя обязанность; но если ты имѣешь столько силъ, то съ Богомъ: Онъ помощникъ въ добромъ дѣлѣ.

— О, мой другъ, говорила Прасковья Васильевна, цѣлуя своего мужа, я все это исполню.

Чрезъ нѣсколько дней Паташа (имя дитяти) была привезена къ новой своей матери; сначала ребенокъ былъ очень печаленъ и плакалъ безпрерывно; на вопросъ всѣхъ окружающихъ, дѣвочка

отвѣчала: »мой папинька умеръ и маминька меня прогнала отъ себя.«—Вотъ твой папинька, а я маминька твоя—говорила Владимірова. »Ахъ, нѣтъ, отвѣчалъ ребенокъ, мой папа всегда цѣловалъ меня.« Видишь ли, мой другъ, о чемъ она плачетъ, возми же её къ себѣ.

Всякій человѣкъ скорѣй привыкаетъ къ хорошему, чѣмъ къ дурному; и потому Наташа очень скоро привыкла къ новому своему состоянію и преспокойно распоряжалась въ назначенной ей комнатѣ. Спустя нѣсколько времени, къ Наташѣ пріѣхала мать, которая жила за восемь верстъ отъ нихъ. Дитя съ крикомъ кинулась къ ней на шею, съ участіемъ распрашивала о сестрахъ, потомъ сказала: »погоди, маминька, я имъ пошлю гостинцу,« и вынувъ изъ ящика нѣсколько конфектъ и фруктовъ, которыми ее дарили, отдала всё матери, сказавъ: »мнѣ здѣсь хорошо, мой папинька ожилъ, и дастъ мнѣ всё, а сестрамъ нѣкому дать.«

Такая любовь къ роднымъ въ ребенкѣ очень тронула Владиміровыхъ, и съ этой минуты дѣвочка стала имъ еще милѣе.

На зиму Григорій Ивановичь съ женою вздумалъ ѣхать въ Петербургъ, чтобь повидаться съ сыномъ послѣ двухъ лѣтъ разлуки. У Владимірова въ Петербургѣ не было никого знакомыхъ кромѣ одного морскаго Капитана Славина, человѣка съ большими достоинствами, лѣтъ тридцати двухъ. У него-то и остановилисъ пріѣзжіе. Славинъ очень полюбиль названную дочь своего пріятеля, и Владиміровъ, пользуясь этимъ случаемъ, просилъ его опредѣлить двухъ сестеръ ея вь какое либо казенное заведеніе; но онѣ были еще такь молоды, что невозможно было никуда помѣстить; и потому Славинъ предложилъ Наташиныхь сестеръ отдать покуда на свое иждивеніе въ пансіонъ; когда же онѣ подростутъ, помѣстить въ Институтъ. Великодушное его предложеніе принято съ большою благодарностію.

Съ какимъ удовольствіемъ отецъ и мать смотрятъ на ребенка, лежащаго въ колыбели, который еще ничего не понимаетъ; но онь глядитъ, улыбается, существуетъ; это существованіе онъ полу-

чилъ отъ нихъ. Существовать не есть еще жить, и тѣ, которые это существо образуютъ, разкроютъ въ немъ понятія, покажутъ ему цѣль жизни и усѣютъ его цвѣтами счастія, тѣ должны быть гораздо счастливѣе; потому что существо взлѣлеянное ими наслаждается жизнію и чувствуетъ всё, чѣмъ обязано своимъ благодѣтелямъ.

Нѣсколько лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Владиміровы были въ Петербургѣ, а Наташа росла, росла и выросла. Изъ маленькой рѣзвой дѣвочки сдѣлалась шестнадцати-лѣтнею прекрасною дѣвушкою, съ сердцемъ полнымъ любви и благодарности къ своимъ благодѣтелямъ, съ душею готовою принимать всѣ высокія чувства; любимая всѣми окружающими, она составляла все счастіе названныхъ отца и матери; и точно, никакая дочь не могла бы любить ихъ съ такою горячностію, съ какою любила Наташа. Ихъ малѣйшая воля была для неё закономъ, вся ея забота состояла въ томъ, чтобъ имъ угодить. Прасковья Васильевна была вполнѣ награждена за труды и безпокойства, съ которыми сопря-

жено воспитаніе ребенка. Даже Григорій Ивановичь говорилъ; »не знаю, могъ ли бы я любить мою родную дочь больше Наташи. Какъ жаль, что я не имѣю лучшаго состоянія и не могу совершенно упрочить ея будущность.«

—Покуда мы живы, Наташа насъ не оставитъ.

—Оно такъ, а какъ умремъ? Но что объ этомъ думать: Богъ милостивъ, судьба же наша такъ перемѣнчива.

Однажды Владиміровы сидѣли вокругъ чайнаго стола.—Отъ чего нашъ доброй другъ Славанъ такъ давно къ намъ не пишетъ? Здоровъ ли онъ? сказала Наташа.

—Это тебя безпокоитъ?

—И конечно, его нездоровье меня бы очень огорчило. Онъ благодѣтель моихъ сестеръ и я ему такъ благодарна; но не знаю, какую найду возможность изъявить ему мою благодарность.

—Подождемъ будущаго времени, оно можетъ быть дастъ къ тому возможность.

—Что это значитъ, батюшка?

—Такъ, я пошутилъ! но Славинъ въ самомъ дѣлѣ обѣщалъ пріѣхать къ намъ погостить лѣтомъ, да и обманулъ.

—Ахъ! какъ бы это было весело, если бы онъ пріѣхалъ, мы уже его давно не видали.

—Да, съ тѣхъ поръ, какъ были вмѣстѣ въ Москвѣ.

—Удивительно, я совсѣмъ позабыла его лицо.

—Не мудрено, тогда ты была еще дитя.

Въ это время на дворѣ послышался лошадиный топотъ и немного погодя шумъ въ передней. »Кто-то пріѣхалъ« сказалъ Григорій Ивановичь, и хотѣлъ посмотрѣть; но дверь отворилась и Ѳедоръ влетѣлъ, бросился въ объятія отца; за нимъ слѣдовалъ Славинъ. Но ни отецъ, ни мать занявшись сыномъ, не замѣтили его. Ѳедя!... Батюшка!... Матушка! только и было слышно ихъ словъ, которыя прерывались жаркими поцѣлуями. Наконецъ Владиміровъ увидѣлъ Славина; и съ словомъ: мой другъ! кинулся обнимать его: Какцми судьбами? откуда?

—Я пріѣхалъ нарочно, чтобъ исполнить обѣщаніе повидаться съ тобою; въ Москвѣ отыскавъ вашего сына, который также собирался сюда, я уговорилъ его ни слова не писать къ вамъ объ этомъ, и нашимъ пріѣздомъ сдѣлать сюрпризъ.

—И лучшаго сюрприза нельзя придумать, отвѣчала Прасковья Васильевна, я вамъ такъ благодарна.

—Ахъ, Боже мой, какъ выросъ нашъ Ѳедоръ; если бы онъ мнѣ гдѣ встрѣтился, я бы его не скоро узнала.

—Да, маминька, мы съ вами давно не видались и вы очень перемѣнились; батюшку я видѣлъ прошлаго года, онъ былъ добрѣе васъ и пріѣзжалъ меня провѣдать.

—Мы нынѣшній годъ хотѣли съ сестрою... Да, маминька, кстати о сестрѣ, гдѣ же она, неужели и въ этотъ разъ я ее не увижу? По выпускѣ изъ курпуса, два года тому назадъ, я пріѣзжалъ къ вамъ, но тогда она гостила у своей больной матери во все время моего отпуска и мы съ нею не познакомились. Александръ Михайловичь (имя Славина) говоритъ, что она очень мила, хороша собою...

—Я всегда говорю правду, увидишь самъ и тоже сажешь.....

—Я велю ее позвать, сказалъ Григорій Ивановичь. Она только передъ пріѣздомъ вашимъ ушла въ свою комнату. Послушай Ѳедоръ, утѣшъ меня: Наташа не знаетъ, что ты пріѣхалъ, когда она взойдетъ, обними ее и посмотри какъ это смутитъ ее.

—Помилуй, мой другъ, что за удовольствіе стыдить дочь, сказалъ Славинъ.

—Вотъ прекрасно, что за стыдъ обнять брата.... тсъ... вотъ она... и Наташа вошла въ гостиную.

Ѳедоръ подошелъ было къ Наташѣ, чтобъ исполнить отцовское приказаніе, но взглянувъ на нее, невольно смутился и сказалъ: не ужели это сестрица?

—Ну да, да чтожъ ты не здороваешься?

Ѳедоръ почтительно поцѣловалъ руку у покраснѣвшей Наташи.—Александръ Михайловичь, рекомендую вамъ мою дочь, вашу старинную знакомую.

—Знаешъ ли, Наташа, кто это?

—Нѣтъ, папинька.

—А еще недавно говорила объ немъ.

—Какъ, неужели Александръ Михайло-

вичъ! сказала Наташа, и сердце у нея забилось, при видѣ благодѣтеля сестеръ,— какъ я рада, слава Богу, наконецъ вы къ намъ пріѣхали!

—Я тоже радъ душею—говорилъ Славинъ, взявъ руку Наташи и съ чувствомъ поцѣловавъ ее,—вы такъ выросли, похорошѣли, старому другу можно въ этомъ повѣрить.

— О, о, ты все такой же охотникъ говорить ласкательства, какъ и прежде.

—Ласкательства можно только говорить тому, кому нельзя сказать правды; а Наталья Александровна не имѣетъ въ нихъ нужды.

--Пожалуста зовите меня по прежнему Наташею, а я васъ буду звать моимъ добрымъ другомъ.

—Съ радостію; старику можно это позволить, а что я вашъ другъ, то докажу на дѣлѣ. Но сядемте, ваши сестрицы вамъ кланяются, онѣ также выросли и чрезъ два года выйдутъ изъ института.

—У меня, сказалъ Ѳедоръ, есть къ вамъ отъ нихъ письма, сестрица.

—Ахъ, покажите мнѣ ихъ поскорѣе.

Между тѣмъ какъ Наташа читала письмо, Ѳедоръ сказалъ матери: — какъ она перемѣнилась съ тѣхъ поръ, какъ я ее видѣлъ.

— Да, она выросла, но все также насъ любитъ; въ твое отсутствіе была нашимъ единственнымъ утѣшеніемъ. За это ты долженъ любить ее.

Ѳедоръ Владиміровъ былъ точно покорной сынъ и всякое желаніе отца и матери исполнялъ какъ святую заповѣдь.

Пріѣздъ гостей оживилъ все въ семействѣ Владиміровыхъ. Къ нимъ начался по сему случаю довольно большой пріѣздъ; даже тѣ, которые не были съ незапамятныхъ временъ, пріѣзжали съ цѣлыми семействами на нѣсколько дней, а особливо у которыхъ было много дочерей. Слѣдовательно у Владиміровыхъ сдѣлалось гораздо шумнѣе, веселѣе, а особливо когда старики затѣяли дать балъ.

Кто не видалъ деревенскаго бала, тотъ не имѣетъ понятія о самомъ забавномъ и веселомъ въ мірѣ: балъ продолжается дня три съ ряду; съ какимъ удовольствіемъ все танцуетъ; какъ отъ души веселится; этой

полноты удовольствія вы не встрѣтите въ городѣ.

Владиміровы же постарались о веселье своихъ гостей, достали четырехъ музыкантовъ; праздникъ могъ назваться великолѣпнымъ. Гости были веселы, довольны; только нѣкоторыя матушки сердились на Ѳедора, за то что онъ болѣе всѣхъ танцовалъ съ Наташею. Ахъ, Боже мой! говорила толстая госпожа Арбузова, своей сосѣдкѣ, на что это похоже, танцуетъ другой вечеръ больше всѣхъ съ сестрою, будто только и дѣвицъ тутъ; еще говорятъ воспитанный, а не знаетъ того, что невѣжливо не танцовать съ гостями!

— Да и что онъ нашелъ въ своей сестрицѣ хорошаго, отвѣчала другая дама —кажется, есть и получше ея... Груша! подойди ко мнѣ, поправь косынку, да держись прямѣй!

—Ну, вотъ посмотрите, говорила Арбузова, глазъ съ нее не сводитъ, такъ и слѣдитъ; ужъ только помните мое слово, это не братская любовь: онъ что то на нее умильно поглядываетъ.

Въ это время кончился танецъ и Наташа

хотѣла взять мороженаго, которое отнялъ у нея Ѳедоръ, и проходя мимо двухъ дамъ, говорилъ ей: вы знаете какъ ваша болѣзнь можетъ огорчить маминьку... и... меня...

Дамы взглянули значительно другъ на друга....

На другой день гости начали разъѣзжаться понемногу, и чрезъ три дня, ихъ уже не было; Владиміровы остались одни.

Семь недѣль Ѳедоръ гостилъ у отца, и не примѣтилъ, какъ онѣ прошли. Отпускъ его приходилъ къ концу, а онъ и не думалъ собираться въ дорогу. Въ домѣ отца онъ сдѣлался такъ счастливъ, какъ не былъ никогда. Въ немъ нашелъ Ѳедоръ все, чего давно душа его искала, онъ нашелъ существо, въ которомъ полагалъ все свое благополучіе: это была Наташа; при первой встрѣчѣ съ нею, всѣ тайныя желанія души, непонятныя для него до сихъ поръ, объяснились. Она нашла, чего искала.... Ѳедоръ полюбилъ Наташу, такъ какъ любятъ одинъ разъ въ жизни, и слово разлука, или не любить ее, были непонятны ни душѣ его, ни сердцу.

Наконецъ осьмая недѣля кончилась, и

отецъ сказалъ: «мнѣ жаль, Ѳедоръ, что ты ѣдешъ отъ насъ; но дѣлать нечего, обязанность зоветъ тебя, твой отпускъ кончается.

—Неужели восемь недѣль!... какъ скоро онѣ прошли! и Богъ знаетъ, когда мы теперь увидимся!

—Очень скоро, сказалъ Славинъ. Послушай, мой другъ, у меня есть маленькой проэктъ въ головѣ: полкъ вашего сына будетъ нынѣшнюю зиму стоять въ Москвѣ, и я также пріѣду въ Москву; пріѣзжай и ты, если Прасковья Васильевна будетъ согласна, а Наташинька вѣрно захочетъ повеселиться.

—Съ радостію, сказала Прасковья Васильевна; а Наташинька улыбнувшись, подала руку Славину.

—Ну что, согласенъ, или нѣтъ?

—Охотно сдѣлаю вамъ удовольствіе.

—Батюшка, какъ я вамъ благодаренъ, говорилъ Ѳедоръ, обнимая отца.

—Помилуй, братецъ, тише, ты задушилъ меня.

—Но когда же ѣдешъ, Ѳедоръ, спросила мать.

—Да я думаю послѣ завтра, отвѣчалъ отецъ.

До самаго отъѣзда Ѳедора, Наташа почти не знала своихъ настоящихъ чувствъ, или не хотѣла заглянуть въ сердце, чтобъ не узнать слишкомъ много; но слово прощай! открыло все: она узнала какъ ей дорогъ отъѣзжающій; ей казалось невозможно остаться безъ него, какъ будто ея душа слилась съ его душою и они жили одною жизнію, дышали однимъ дыханіемъ; какъ будто онъ взявъ съ собою ея душу, оставитъ жизнь въ тѣлѣ, которое будетъ грустить объ улетѣвшей душѣ.

Какъ скоро идетъ время, когда мы этого не желаемъ; и послѣдній день для Наташи прошелъ какъ мечта мимолетная, насталъ другой день, и Ѳедоръ уѣхалъ. . . . Долго стояла она, глядя на ѣхавшій въ дали экипажъ, прислушиваясь къ звуку колокольчика, который печально звѣнѣлъ вдали, какъ звукъ ужаснаго слова прости; и когда онъ изчезъ, съ нимъ казалось улетѣло ея счастіе. . . . Сердцѣ ея стѣснилось отъ горести, и не мудрено: это было пер-

вое сердечное горе, которое она испытывала.

Проходили дни за днями, и много ихъ прошло со времяни отъѣзда Ѳедора, а Наташа была грустнѣе, да грустнѣе, тѣмъ больше, что она скрывала отъ всѣхъ свое чувство; Наташа боялась огорчить отца и мать, которые сдѣлались для нее еще во сто разъ милѣе. Владиміровы получали довольно часто письма отъ сына и отъ Славина; въ письмѣ Ѳедора былъ всегда поклонъ къ Наташѣ и больше ничего, онъ боялся къ ней писать, чтобъ не написать слишкомъ много; напротивъ же Славинъ дарилъ ее пребольшими письмами, которыя дышали дружбою и доброжелательствомъ; Григорій Ивановичь читая ихъ всегда улыбался и говорилъ: какъ знать, что будетъ въ Москвѣ.

Но вотъ уже прошло все лѣто, наступила осень, деревенскіе жители потянулись въ столицу, чтобы тамъ повыгрузить нажитыя деревенскою экономіей деньги. И въ числѣ ихъ Владиміровъ. Какъ весело было Наташѣ, когда начали укладываться, собираться въ дорогу. Уже все

готово, помолились Богу и поѣхали. Съ каждымъ шагомъ лошади, Наташѣ становилось веселѣе; и когда, подъѣзжая къ Москвѣ, показался изъ за лѣсу крестъ Ивана Великаго, горѣвшій въ дали, какъ звѣзда надежды, сердце Наташи радостно встрепенулось. Но горѣвшая въ дали звѣзда такъ обманчива, она кажется то приближается къ нимъ, то скроется, то опять мелькнетъ радостнымъ свѣтомъ своимъ. Наташа думала, что она уже въ Москвѣ, а Москва еще была далеко отъ нихъ, и только къ вечеру Владиміровы въѣхали въ городъ и экипажъ покатился по мостовой. Былъ уже вечеръ, когда дорожные пріѣхали къ дому, нанятому для нихъ; тамъ ожидалъ ихъ Ѳедоръ.... Радость молодыхъ людей при свиданіи была невыразима; они опять счастливы.

Въ Москвѣ для Наташи началась совсѣмъ новая жизнь; ее стали возить въ собранія, въ театры; другъ ихъ Славинъ давалъ часто вечера и старался доставить Наташѣ всевозможныя удовольствія. Но не смотря на это и даже на присутствіе Ѳедора, у нея въ сердце была грусть.

хотя Наташа никогда не говорила съ Ѳедоромъ про свою склонность и была съ нимъ какъ можно скромнѣе, но очень хорошо знала, что онъ также знаетъ ея чувства какъ и она. Наташа знала, что Ѳедоръ любитъ ее; но не знала, какъ примутъ эту любовь его отецъ и мать и не навлечетъ ли это непріятности ихъ сыну. Вотъ что ее безпокоило, вотъ что тяготило ея душу! — Богъ знаетъ, тоже ли думалъ Ѳедоръ, только съ нѣкотораго времени и онъ сдѣлался довольно печаленъ и безпокоенъ. Впрочемъ его безпокойство было совсѣмъ отъ другой причины, которую мы узнаемъ послѣ и которая была довольно основательна.

Въ одинъ день Владиміровы были дома и сидѣли въ гостиной; Прасковья Васильевна раскладывала пасіансъ, Григорій Ивановичь курилъ трубку, Наташа разыгрывала въ залѣ какое-то рондо, а Ѳедоръ разсѣянно глядѣлъ въ окно. . . .

— На что похожи, нынѣшніе молодые люди, сказалъ Григорій Ивановичь женѣ, показывая на Ѳедора, — вѣчно задумчивы, ни-

когда не увидишъ на нихъ праздничнаго лица: точно какъ гонимые судьбою.

—Да, сказала мать, Богъ знаетъ что съ нимъ сдѣлалось!

—Не съ нимъ съ однимъ, а со всѣми; ну вотъ взгляни на Наташу: какъ выросла, такъ и начала задумываться, худѣть; а отъ чего? неизвѣстно.... Просто нынче вѣкъ тужиковъ и плаксъ; посмотри на людей нашего вѣка, вотъ, напримѣръ, Славинъ, ему за сорокъ, а не лучше ли онъ нынѣшняго двадцати-лѣтняго? вѣчно веселъ, любезенъ, живетъ для удовольствія своего и другихъ; я никогда не видалъ его печальнымъ, и признаюсь, что всякая молодая дѣвушка должна скорѣй выдти за него, чѣмъ за молодаго плаксу.

—Вы называете, батюшка, молодую дѣвушку лѣтъ тридцати пяти?

—Нѣтъ сударь, шестнадцати лѣтъ; потому что лучше веселиться съ старикомъ, чѣмъ плакать съ молодымъ.

Слуга принесъ записку.

—Отъ кого?

—Отъ Александръ Михайловича.

—Ну, вотъ еще праздникъ, въ Понедѣльникъ. Славинъ приглашаетъ насъ къ себѣ.

Въ началѣ Генваря Славинъ давалъ блестящій балъ, куда получилъ приглашеніе и Григорій Ивановичь съ семействомъ. Въ день бала у Владиміровыхъ была большая суматоха, приготовленіе къ вечеру занимало всѣхъ, одинъ только Ѳедоръ задумавшись ходилъ по комнатамъ; онъ былъ безпокоенъ, онъ какъ будто обдумывалъ какое-то важное дѣло, на которое еще не могъ рѣшиться.

—Помилуй, Ѳедоръ — сказалъ отецъ — уже девять часовъ, а ты еще, какъ видно, и не думалъ одѣваться: тебѣ какъ будто не хочется съ нами ѣхать.

—Нѣтъ, батюшка, почему же... я...

—Да ты что-то не въ своей талелкѣ? Богъ знаетъ, что вы за народъ, вѣчно задумчивы, точно хотятъ передѣлать міръ. Нѣтъ братъ, вѣрь, что онъ такъ устроенъ хорошо, для нашей радости и счастія, что намъ только остается всѣмъ пользоваться, а кто поступаетъ иначе, тотъ дѣлаетъ дурно.

Въ это время вышла Наташа въ залу

совсѣмъ одѣтая; она была такъ хороша, и Ѳедоръ, взглянувъ на нее, сказалъ: сей часъ иду одѣваться; чрезъ часъ всѣ были готовы и отправились; гостей было уже довольно, и казалось дожидались только ихъ, чтобы начать танцы; балъ начался Польскимъ, который танцовалъ Славинъ съ Наташею, и по окончаніи онаго, сказалъ ей: пожалуста, Наталья Александровна, я васъ прошу, будьте здѣсь какъ хозяйка, вы знаете, что ближе васъ у меня здѣсь никого нѣтъ.

Ѳедоръ, шедшій чрезъ пару отъ Наташи, слышалъ сказанное Славинымъ, и раскланявшись съ своею дамою, подошелъ къ Наташѣ.

—Это странно, сказалъ онъ ей, быть хозяйкою! почему же имянно вамъ: я думаю, вы здѣсь ему также близки какъ и всѣ?

—Но онъ это сказалъ такъ, потому, что я ему знакома съ дѣтства.

—Такъ! да такъ, но это я увижу... Вы не ангажированы на музурку?

—Нѣтъ.

—Такъ позвольте мнѣ съ вами танцовать.

Балъ по справедливости можно сравнить съ человѣческою жизнію. Онъ также суетенъ и скоропреходящъ. Начало бала, какъ и начало жизни, шумно и весело: танцующіе, какъ дѣти, прыгаютъ, кружатся въ безумномъ вальсѣ, пока не устанутъ; средина бала и средина жизни становятся разнообразнѣе: тутъ ужъ начинаютъ изыскивать удовольствія, выдумываютъ различные танцы; въ этомъ занятіи непримѣтно время улетитъ, силы ослабѣютъ, изнурятся, и тогда начинаютъ танецъ монотонный, который и длится до самаго конца.

На балѣ у Славина было всѣмъ весело; хозяинъ старался доставить своимъ гостямъ всевозможныя удовольствія и никто почти не примѣтилъ, какъ прошелъ вечеръ. Было три часа, когда всѣ начали разъѣзжаться. Владиміровы отправились со всѣми вмѣстѣ.

Возвратясь съ балу, Наташа была въ необыкновенномъ расположеніи духа: она смѣялась неизвѣстно чему, и въ тоже время

слезы навертывались на глазахъ ея; потомъ задумалась; нѣсколько разъ отходила отъ дѣвушки, раздѣвавшей ее, и потомъ возвратясь къ ней, обнимала ее,—все въ ней показывало сильное волненіе души.

—Что съ вами, сударыня? спросила горничная.

—Такъ, ничего, Катя; поди, ты теперь мнѣ не нужна.

—Но какъ же, сударыня, вы еще не совсѣмъ раздѣты.

—Сними съ меня только верхнее платье, я сама раздѣнусь.

Оставшись одна, Наташа совершенно предалась своимъ мечтамъ. Въ этотъ вечеръ Ѳедоръ предложилъ ей свою руку и сердце, требовалъ отъ нея согласія на бракъ. Неожиданное счастіе такъ смутило Наташу, что она не имѣла силы ему отвѣчать; но по душевной радости, которая отразилась во всѣхъ ея чертахъ, можно было догадаться, что отвѣтъ ея будетъ: *да*. Наташа была такъ благополучна, ея завѣтная мечта сбылась такъ неожиданно; и эта неожиданная радость не дала ей

уснуть во всю ночь. Уже было свѣтло, когда она немного успокоилась, легла, и благодѣтельный сонъ повѣялъ надъ ней крыльями. Спи, спи! ты теперь счастлива; Богъ знаетъ, что ждетъ тебя при пробужденіи. Было десять часовъ, когда Наташа открыла глаза; она вскочила, накинула на себя утреннее платье, и полагая, что еще никто не вставалъ, хотѣла тихонько пройти въ залу; но проходя комнату Прасковьи Васильевны, которая уже встала »зачѣмъ такъ рано« думала она, маминька встала послѣ бала? Не ужели ей Ѳедоръ уже сказалъ... Нѣтъ! быть не можетъ.« Она съ безпокойствомъ прошла всѣ комнаты и остановилась у кабинета; дверь была не притворена, и тамъ упоминали имя ея и Ѳедора.

Не любопытство заставило Наташу остановиться и слушать рѣшеніе своей судьбы, нѣтъ, она такъ этого испугалась, что не имѣла силы сойти съ мѣста, и противъ воли слышала слѣдующій разговоръ:

— Нѣтъ! говорилъ Григорій Ивановичь, я говорю тебѣ, что нѣтъ! Было бы сущее

дурачество согласиться на подобный союзъ; отъ этого зависитъ судьба не одного дня, но цѣлой жизни; слѣдовательно тутъ надобно поступить основательно; ты знаешь, я не хочу богатства, и будь она одна, то такъ и быть, я бы согласился; но у нее мать, сестры, которыя имѣютъ въ ней свою надежду. Къ тому же Ѳедоръ еще очень молодъ для женидьбы: ему должно служить и служить; а женясь, пойдетъ ли ему служба на умъ? да и склонность его можетъ еще перемѣниться много разъ; и потому мы не должны рисковать судьбою ввѣреннаго намъ существа, тогда какъ ей предстоитъ прекрасная партія, и если это Богъ поможетъ совершиться: то не только Наташа, но и всѣ ея родные будутъ счастливы и пристроены; и было бы съ нашей стороны очень дурно, уступая желаніямъ сына, лишать ее этого благополучія.

—Но если она тоже любитъ Ѳедора?

—Вздоръ! я знаю Наташу, она очень благоразумна, для того, чтобъ предаться подобной привязанности, которая крайне

огорчила бы меня, и это доказывается тѣмъ, что она ничего не отвѣчала на предложеніе Ѳедора.

—Но, мой милый! Ѳедоръ увѣряетъ, что она его любитъ.

—Гмъ! чего хочется, тому и вѣрится, и я увѣренъ, что ему видится то, чего совсѣмъ и нѣтъ. Да впрочемъ, еслибы и было что-то все этой свадьбѣ не бывать; изъ любви къ нимъ обоимъ я не желаю этого.

—А ты еще не говорилъ Наташѣ объ другомъ предложеніи?

—Но это все равно, я почти увѣренъ, что она скажетъ *да*, и чего ей желать болѣе: родной моей дочери, я не желалъ бы лучшей партіи. Славинъ человѣкъ благородный, добрый, не шестнадцатилѣтній, но и не старикъ; а въ такихъ лѣтахъ можно ему ввѣрить судьбу дѣвушки и быть увѣрену, что жена его будетъ счастлива; онъ не станетъ говорить ей нѣжности и падать предъ нею въ восхищеніи на колѣни; но будетъ всегда любить ее, заботиться о ея спокойствіи и счастіи; а это, я думаю, чего нибудь да стоитъ; къ тому же этотъ

бракъ доставитъ Наташѣ совершенное обезпеченіе состоянія и возможность устроить будущность матери и сестры. Можно ли отказаться отъ подобнаго случая, нѣтъ... Это непремѣнно должно быть.

—Но если, не смотря на все это, Наташа не согласится, то не ужели ты ее принудишь?

—Конечно, ни ты, ни я принуждать ее не станемъ; но Наташа очень дурно сдѣлаетъ; начиная съ того, что она отказомъ своимъ огорчитъ Славина, и легко быть можетъ, лишитъ сестеръ своихъ покровительства, а своего дѣла ни сколько не поправитъ, тогда, какъ доброе ея согласіе устроило бы общее благополучіе, да и меня бы избавило отъ непріятности съ сыномъ. Въ случаѣ ея отказа Славину, Ѳедоръ будетъ требовать ея руки, и я уже принужденъ буду употребить власть запретить ему думать объ Наташѣ и удалить его отсюда; а въ противномъ случаѣ, когда Наташа будетъ принадлежать другому, онъ самъ все оставитъ.

—Дай-то Богъ, чтобъ это такъ кончилось, ты самъ поговоришь съ Наташею.

—Нѣтъ! это твое дѣло, мой другъ, ты женщина, такъ съ нею скорѣй сладишь; во всякомъ случаѣ поговори съ нею, представь ей всё въ настоящемъ видѣ, однимъ словомъ, уладь всё, какъ знаешь; а я послѣ переговорю съ сыномъ.

Наташа оставалась, какъ изваянная на томъ же мѣстѣ, гдѣ слышала рѣшеніе своей участи; вся жизнь въ ней замерла, и только страхъ объясненія, когда она услышала, что идутъ, привелъ ее въ себя, и несчастная едва имѣла силы оставить комнату. Въ залѣ встрѣтила она служанку, которая спросила ее съ страхомъ: Ахъ, Боже мой, что съ вами сдѣлалось, сударыня? Вы такъ блѣдны.

—Такъ,—отвѣчала Наташа,—такъ... помоги мнѣ взойдти на верхъ, мнѣ что-то дурно. . .

—У васъ лихорадка, васъ такъ и бьетъ.

—Да, я озябла, отвори скорѣе дверь; ну теперь оставь меня, я лягу.

—Не сказать ли маминькѣ?

—Ахъ нѣтъ, нѣтъ, даже не сказывай, что я встала, не пускай ко мнѣ никого. . . иди!

Служанка вышла и Наташа осталась одна. Несчастная еще не понимала, что съ нею случилось; все прошедшее казалось ей сномъ, тяжкимъ сномъ; къ сердцѣ у нее было холодно, и какое-то трясеніе всѣхъ членовъ мѣшало ей собраться съ мыслями; наконецъ, мало по малу, чувства ея возвратились; она представила себѣ свое положеніе, и закрывъ лице руками, горько заплакала.

И такъ вотъ чѣмъ кончилась ея судьба. Она должна быть жертвою, отказаться отъ счастія, тогда какъ оно было такъ близко къ ней; пожертвовать склонностію, которая была для ея души такъ же необходима, какъ воздухъ для жизни. Но этого не хотѣли знать, говорили что она бѣдна, что ей нуженъ богатой женихъ и она должна идти за него, для счастія ея родныхъ; а никто не хотѣлъ спросить Наташу, составитъ ли это ея собственное счастіе. Впрочемъ Наташа была бѣдна, слѣдовательно, по обыкновенію, въ ней не полагали ни сердца ни души, а одну обязанность.

Наташа хотя и любила родныхъ, столько, что готова была для нихъ лишить себя покоя, посвятить имъ жизнь свою, даже пожертвовать для нихъ этою жизнію; но при всемъ томъ желала и собственнаго благополучія.

Долго плакала Наташа и слезы ни сколько не облегчили ея сердца, но терзали его; у нее было горе, которое не съ слезами могло вылиться, но съ жизнію; она оплакивала счастіе, готовое улетѣть навѣки. Положеніе Наташи было жестоко; ей предстояла ужасная необходимость, которой избѣгнуть было невозможно. Она должна была выдти противъ желанія за мужъ и обречь себя вѣчной грусти для радости ближнихъ. Даже изъ любви къ Ѳедору Наташа должна была это сдѣлать. Старикъ Владиміровъ былъ добръ, но любилъ, чтобъ ему повиновались, и противорѣчіе выводило его изъ себя. Ѳедоръ же такъ любилъ Наташу, что не смотря ни на что, сталъ бы настаивать въ своемъ намѣреніи и этимъ ничего бы не поправилъ, а могъ бы раздражить отца, который, въ случаѣ непокорности, готовъ былъ при-

бѣгнуть къ жестокимъ средствамъ, а справедливый гнѣвъ отца изгоняетъ благополучіе изъ дому сына, и такъ Наташа не смотря на силу своей страсти, по долгу благодарности къ своимъ благодѣтелямъ, рѣшилась принести себя, какъ горестную, но необходимую для благополучія другихъ жертву.

Было уже двѣнадцать часовъ съ половиною; а въ комнату къ Наташѣ еще никто не входилъ; но каждый шорохъ по лѣстницѣ пугалъ бѣдную дѣвушку, и хотя она знала участь ее ожидающую, но все хотѣла хотя нѣсколькими часами отсрочить ее.

Наконецъ на лѣстницѣ послышалась походка; у Наташи оторвалось сердце какъ у человѣка, которому идутъ объявить смертный приговоръ; къ ней шли отнять больше чѣмъ жизнь, отнять всѣ радости, не прекращая жизни; и Наташа невольно склонила голову на подушки и закрыла глаза, притворясь спящею. Прасковья Васильевна вошла, и подойдя къ постели Наташиной, сказала: спитъ... что это значитъ такъ долго.... и не раздѣта?... Наташа, Наташа! проснись, мой другъ, пора

вставать, скоро часъ; да что съ тобою? ты блѣдна какъ смерть.

—У меня голова болитъ, отвѣчала бѣдная, едва собравшись съ силами.

—Да отъ чего же, моя милая, ахъ! и голова у тебя горитъ какъ въ огнѣ.

—Это такъ, пройдетъ.

Прасковья Васильевна покачала головою и подумала: точно мужъ правъ, она не любитъ Ѳедора. Какъ его предложеніе ее встревожило. Но не ужели ты не знаешь причину твоей болѣзни, продолжала Прасковья Васильевна улыбаясь.

—Нѣтъ! едва внятно сказала Наташа.

—Ну такъ я тебѣ скажу: полно, мой другъ, я все знаю; но кажется Ѳедя не успѣлъ въ своемъ намѣреніи, это предложеніе тебѣ не нравится. Объ чемъ же плакать, какая ты дитя; неужели ты думаешь, что это насъ огорчитъ, напротивъ, я рада, что только одинъ Ѳедоръ будетъ недоволенъ, потому что отецъ ни за что бы не согласился выдать тебя за него, даже и тогда, когда бы онъ тебѣ нравился. Ну спокойна ли ты?

Бѣдная дѣвушка ничего не отвѣчала, только слезы какъ градъ катились по ея блѣднымъ щекамъ.

—Объ чемъ же ты плачешъ? скажи мнѣ; перестань, Наташа, ты знаешъ, я не люблю слезъ; ну полно же; а у меня есть еще новость сказать тебѣ.

Наташа знала эту новость, и ея сердце сжалось, при мысли, что ея рѣшительная минута наступила, ей нужно было собрать всѣ силы, чтобъ скрыть грусть и смущеніе.

Прасковья же Васильевна, заставъ Наташу больную и въ слезахъ, думала, что предложеніе Ѳедора причиною этому, спѣшила обрадовать её. Объявя ей намѣреніе Славина, она посадила Наташу возлѣ себя и начала говорить такъ:

—Послушай, мой другъ, ты знаешъ, какъ мы тебя любимъ, слѣдовательно можешь судить, что наше желаніе сдѣлать тебя счастливою искренно, и потому вѣрно не будешъ противиться нашимъ намѣреніямъ, которыя клонятся къ благополучію твоему и твоего семейства.

—Мое счастіе состоитъ въ томъ, чтобъ всегда жить, такъ какъ я теперь живу, а для родныхъ я готова отдать жизнь мою, отвѣчала Наташа.

—Все это очень хорошо, но имъ мало будетъ пользы отъ этого; тебѣ же, милая, нельзя всегда жить какъ теперь, я и отецъ смертны; тогда какъ кончится жизнь наша, съ кѣмъ ты останешься. Благоразуміе требуетъ теперь объ этомъ подумать; конечно прежде я надѣялась на Ѳедю, что онъ, любя тебя какъ сестру, послѣ нашей смерти не оставитъ; но теперь дѣло иное, и кто мнѣ поручится, что онъ не будетъ помнить твоего отказа выдти за него; тогда что будетъ съ тобою? И такъ, чтобъ устроить твою судьбу при себѣ, мы хотимъ тебя выдать за мужъ.

—Ахъ, маминька, маминька! сказала Наташа, закрывъ лицо руками, и какъ не была къ этому приготовлена, но слово »выдать за мужъ« ее поразило, какъ электрическій ударъ.

—Чего же ты испугалась? Это для твоего счастія, къ тому же замужство есть назначеніе каждой дѣвушки. Женщи-

на сотворена на то, чтобъ быть женою, матерью, стараться о счастіи своего мужа и о воспитаніи дѣтей, вселять въ ихъ душу правила вѣры; дѣлать изъ нихъ хорошихъ гражданъ. Это зависитъ почти всегда отъ матери. Мать семейства имѣетъ какое-то право на уваженіе; потому что она уже не безполезный членъ общества, она исполнила свое назначеніе. Женщина всегда имѣетъ цѣль для жизни: благополучіе мужа и дѣтей, даже въ старости, когда для нихъ все умираетъ, жена и мать, исполнившая въ точности свою обязанность, наслаждается жизнію. Любимая, уважаемая, она живетъ снова въ своихъ дѣтяхъ. Между тѣмъ какъ дѣвушка счастлива покуда еще молода; но когда лѣта пройдутъ и удовольствія перестанутъ занимать ее, что остается ей тогда? Она лишняя въ мірѣ; ей нѣтъ близкихъ, жизнь ея никого не радуетъ, смерть не опечалитъ.

—Но оставя все это, ты еще имѣетъ святую обязанность устроить судьбу матери и сестеръ, и такъ счастлива, что Богъ даетъ тебѣ возможность исполнить это; потому что человѣкъ, желающій получить

твою руку, добръ, съ состояніемъ и почтетъ пріятнымъ долгомъ взять ихъ къ себѣ; однимъ словомъ, это твой другъ Славинъ.

Прасковья Васильевна замолчала и ждала отвѣта Наташи. Но бѣдной дѣвушкѣ нечего было отвѣчать: въ ея сердцѣ была мучительная борьба любви и обязанности. На что рѣшиться? Но первая преодолѣла разсудокъ покорившійся чувству, и Наташа сказала: — нѣтъ, маминька, нѣтъ, ради Бога не принуждайте меня, я не хочу... Я не могу идти за него!

—Не хочешъ? отъ чего же? что за капризъ, Нашаша! это не хорошо: твоимъ отказомъ ты дѣлаешъ непростительную глупость, разрушаешъ собственное свое счастіе и благополучіе родныхъ... и еще... мнѣ бы не хотѣлось тебѣ это сказать... еще ты безъ умысла разрушаешъ наше спокойствіе. Да! отказъ твой Славину, даетъ Ѳедору возможность опять просить руки твоей, а ты знаешъ отца: чтó онъ сказалъ одинъ разъ, то уже не перемѣнитъ; изъ этого могутъ произойти послѣдствія, непріятности, которыя согласіемъ твоимъ

выдти за Славина отвратятся и доставять тебѣ благополучіе. Теперь я прошу тебя отвѣчать.

Несчастная ломала руки, не отвѣчала ничего; ей было трудно сказать: да! это да! рѣшало ея судьбу, дѣлало ее несчастною, и она сама должна была произнести приговоръ свой.

—Что же ты не говоришъ, Нашаша? отвѣчай, отвѣтъ твой покажетъ мнѣ, какъ ты цѣнишъ нашу привязанность и любишъ насъ.

Эта фраза, сказанная Владиміровой безъ намѣренія оскорбить Наташу, имѣла надъ нею сильное дѣйствіе; это напоминало Наташѣ, что она воспитанница, обязанная всѣмъ другимъ, что ее любятъ и держутъ изъ милости. Въ первый разъ ей это напомнили и это напоминаніе потрясло ее. Наташа ледяною рукою судорожно пожала руку Владиміровой и произнесла роковое слово.

—Ну, вотъ и все кончено, повѣрь мнѣ, что ты будешъ счастлива. Теперь успокойся, говорила Прасковья Васильевна, цѣлуя Наташу, а я пойду сказать отцу о твоемъ

согласіи; да видно у тебя очень болитъ голова: ты такая блѣдная, не нужно ли привязать чего нибудь?

Наташа сдѣлала отрицательный знакъ головою, и Прасковья Васильевна ушла.

Наташа произнесла роковое слово, да! и съ звукомъ его изчезло для нее все счастіе. Счастіе! Но долго ли имъ она наслаждалась? Оно пролетѣло для нее какъ мечта, какъ пріятное сновидѣніе для несчастнаго. Судьба жестоко испытала ее, жестоко поразила, лишивъ желаемаго благополучія. Но послѣ даннаго согласія матери, Наташа больше не плакала, и объ чемъ было ей плакать? Плачутъ тогда, когда что нибудь теряютъ, а Наташа все уже потеряла: ея жизнь для самой себя была кончена.

Между тѣмъ Прасковья Васильевна объявила своему мужу о согласіи Наташи, потомъ, сколько стоило труда склонить ее къ согласію.

—Разумѣется, отвѣчалъ Григорій Ивановичь, гдѣ же видано, чтобъ дѣвушка съ перваго слова согласилась выдти за мужъ?

Это невозможно. По себѣ суди, сколько разъ ты сама бывши невѣстою, принималась плакать для проформы.

Тотъ же часъ была послана къ Славину записка съ извѣщеніемъ, и Григорій Ивановичъ пошелъ поговорить съ Ѳедоромъ; но на этотъ разъ все было неудачно, жениха не застали дома: рано утромъ за нимъ присылалъ больной пріятель, и Славинъ уѣхалъ за тридцать верстъ; а съ сыномъ долго не могли сладить: онъ не хотѣлъ вѣрить, чтобы Наташа согласилась выдти за другаго, и Григорій Ивановичъ долженъ былъ дать свое честное слово, что это правда.

Легче ли было отъ того молодому человѣку? Ѳедоръ тотъ же часъ хотѣлъ уѣхать, еслибы мать не удержала его; она боялась отпустить сына въ такомъ положеніи, и точно, все обнаруживало въ немъ отчаяніе. Прасковьѣ Васильевнѣ стоило большаго труда удержать Ѳедора до другаго дня, естьли бы онъ самъ не перемѣнилъ намѣренія. »Да, матушка, да, я остаюсь, только пожалуста оставьте меня въ покоѣ.. Я хочу быть одинъ.« Чувство оскорбленія,

переходъ отъ любви къ презрѣнію волновали его, когда узналъ о перемѣнѣ къ нему расположенія Наташи.— Что могло ее къ тому побудить? думалъ онъ, она меня любила, я это знаю, любила.... и выходитъ за Славина!... Не ужели интересъ?... Вся кровь въ немъ закипѣла при мысли, что Наташа, которую онъ любилъ пылко, страстно, для обладанія которой готовъ былъ рѣшиться на все, торгуетъ рукою своей и вѣситъ чувства залотомъ. Нѣтъ, я этому не вѣрю, до тѣхъ поръ пока не услышу отъ нее самой: я съ нею увижусь.... а если все правда!... то.... о! это ужасно!

Какъ скученъ, какъ длиненъ показался этотъ день Владиміровымъ; Прасковья Васильевна была печальна, видя страданія сына; а Григорій Ивановичь сердился на безпорядокъ въ домѣ, бранилъ всѣхъ и все, Ѳедора, за чѣмъ онъ влюбился, Славина, для чего уѣхалъ, себя за то, что пріѣхалъ въ Москву, Прасковью Васильевну за печальное лице, а Наташу за притворныя слезы.— Эти дѣвушки всегда будутъ одинаково глупы, пожалуста, жена, постарайся,

чтобъ завтра было все въ порядкѣ, я этого видѣть не могу.

Цѣлый день Ѳедоръ считалъ каждую минуту; онъ былъ въ крайнемъ нетерпѣніи поговорить съ Наташею. Но этого нельзя было сдѣлать ближе другаго дня утромъ, котораго и ожидалъ.

Одна Наташа ничего не желала, ничего не ждала, она была покойна, какъ невинно осужденный наканунѣ казни; въ душѣ, въ сердцѣ было холодно и всѣ чувства замерли.

Прошолъ день, наступила ночь, а Наташа все была въ одинакомъ положеніи; наконецъ утромъ она почувствовала какое-то онѣмѣніе чувствъ, легла и забылась, но была выведена изъ этого состоянія легкимъ стукомъ въ дверь. Кратковременное спокойствіе разбудило въ сердцѣ бѣдной дѣвушки жизнь и страданія; открывъ глаза, она вспомнила прошедшее и закрыла ихъ опять съ желаніемъ никогда не открывать. Стукъ повторился, и Наташа, вставъ, спросила, кто?

Дверь отворилась, Ѳедоръ вошелъ, этого Наташа не ждала и не желала; появленіе Ѳедора заставило ее вскрикнуть.

—Чего вы испугались? успокойтесь, я не надолго пришелъ къ вамъ, говорилъ Ѳедоръ, стараясь казаться спокойнымъ, но голосъ измѣнилъ ему.

Наташа чувствовала, что силы ее оставляютъ и что она упадетъ, прислонилась къ стѣнѣ.

—Послушайте, продолжалъ Ѳедоръ, мнѣ нужно сдѣлать вамъ одинъ вопросъ, но—онъ рѣшитъ мою судьбу. Правду ли мнѣ сказали. . . . что вы. . . . выходите за мужъ за Славина?

Наташа не имѣла силы отвѣчать, она знала какъ отвѣтъ ея сразитъ Ѳедора, и безъ того блѣднаго, убитаго.

—Ради Бога отвѣчайте: да или нѣтъ?

—Да! прошептала Наташа.

—По собственной волѣ, или васъ принуждаютъ? спросилъ онъ, задыхаясь.

Наташа молчала.

По волѣ, или нѣтъ,? я васъ спрашиваю! Но взглянувъ на Наташу, и видя ея смущеніе, Ѳедоръ вскричалъ: нѣтъ, нѣтъ! васъ принуждаютъ! скажите: да! и я опять счастливъ, ничто въ мірѣ не разлучитъ уже васъ со мною; если нужно, я оставлю домъ, разстанусь со всѣми. . . Вы будете со мною и мнѣ этого довольно; видя наше счастіе, насъ простятъ послѣ; посмотрите, я никогда не плакалъ, а теперь плачу отъ радости. . . . успокойтесь же, я пойду все приготовлю, все исправлю.

Наташа была не въ силахъ прервать Ѳедора; но когда онъ подошелъ къ двери, то силы ея возвратились и она сказала: —Постойте, вы ошиблись: меня не принуждаютъ.

—Какъ? сказалъ Ѳедоръ, какъ громомъ пораженный.

—Да, меня не принуждаютъ, я сама согласилась.

Послѣ этихъ словъ, силы оставили Наташу, и она бы упала, еслибъ не удержалась за стулъ.

Долго стоялъ Ѳедоръ не говоря ни слова, потомъ взглянулъ на Наташу, и презрѣніе отразилось во всѣхъ его чертахъ.—Согласилась! сказалъ онъ наконецъ, согласилась отказаться отъ счастія, отъ любви для золота! какъ низко! Но вы не стоите упрековъ; скажите мнѣ только, за что вы со мною такъ дурно поступили? Почему не сказали мнѣ, что я не довольно богатъ для васъ? что вы съ аукціону продаете вашу руку, что вамъ не другъ нуженъ, а деньги? Тогда я не сталъ бы стыдить себя признаніемъ, что люблю васъ, и просить вашей руки, которую не могу я наградить золотомъ. . .« Онъ не могъ продолжать болѣе и преодолѣнный волненіемъ терзающихъ его чувствъ, всплеснувъ руками, выбѣжалъ изъ комнаты.

А Наташа, она стояла оскорбленная, убитая. Бѣдная дѣвушка! объ ней не жалѣли: она была жертва и ее же обвиняли!

Она невольно протянула руки, чтобъ остановить, удержать Ѳедора, хотя еще на одну секунду, взглянуть на него, сказать послѣднее прости. Но дыханіе ея замерло и она упала. . . Долго лежала Наташа безъ

жизни на полу, и когда пришла въ себя, то первое, что поразило слухъ ея, былъ топотъ лошади: Ѳедоръ уѣхалъ.

Она кинулась къ окну, лошадь быстро уносила на себѣ ея счастіе, ея радость; бѣдная въ отчаяніи упала на стулъ и слезы градомъ полились у нея изъ глазъ.—Пусть почитаетъ онъ меня виновною, произнесла она, пусть презираетъ! презрѣніе заставитъ его забыть меня.

Чрезъ нѣсколько дней, Славинъ пріѣхалъ изъ деревни, и былъ представленъ Наташѣ какъ женихъ. Она безмолвно покорилась своей участи: кроткая жертва скрыла все у себя въ душѣ, плакала только наединѣ. Къ свадьбѣ привезли мать ея; радость старушки была невыразима, при видѣ дочери, которая дѣлала ихъ общее благополучіе.

—Вы счастливы, матушка, говорила Наташа съ ея ангельскою улыбкою, вы счастливы, а мнѣ больше ничего и не надобно!

Наканунѣ свадьбы несчастная всю ночь провела въ слезахъ, усердно молила Бога, чтобъ онъ изцѣлилъ Ѳедора отъ любви къ ней, положилъ бы въ сердце его покой и сдѣлалъ счастливымъ, а ей бы далъ силу

перенесть свою потерю, для матери и сестеръ, а для себя она ничего не желала.

Бракъ совершился, Наташа сдѣлалась Госпожею Славиной, и послѣ бала, бывшаго у Владимірскаго, чрезъ двѣ недѣли уѣхала съ мужемъ въ Петербургъ.

Чтоже Ѳедоръ? Изцѣлило ли время рану его? Время все изцѣляетъ, какимъ бы то ни было образомъ. Славинъ былъ счастливъ Наташей; задумчивость ея могла происходить и отъ меланхолическаго характера. Настали преклонныя лѣта и Наташи. Ея счастіе ожило въ дѣтяхъ. Жизнь прошла мирно, безъ восторговъ чувствъ. За свою жертву она купила счастіе своихъ родныхъ, и—тихое довольствіе, сопровождаемое грустнымъ воспоминаніемъ, было ея наградой.

ПОВѢСТЬ.

ИЗЪ ХУДАГО ХОРОШЕЕ.

При подошвѣ одной горы стояла деревня богатаго помѣщика; всѣ домы были прекрасны, новы и выстроены въ линію, только одна хижина отдѣлена была отъ всякаго строенія сажень на сорокъ, хижина ветхая безъ двора и огороды, одинокая, какъ всѣми оставленная сирота. Въ началѣ Сентября, въ одну темную ночь, когда все спало, нигдѣ не было слышно ни голоса сторожа, ни лая собаки, когда ничто не возмущало безмятежности въ природѣ, въ этой хижинѣ свѣтился огонекъ; лучь его просѣкалъ далеко окружающую темноту, и для заблудивша-

гося странника блисталъ, какъ лучь надежды; но въ ней обитали нищета, горесть и страданіе. Все убранство внутри хижины составляли: старый столъ, скамья, разломанный стулъ и кровать; на бѣдномъ ложѣ страдало существо, котораго стоны возмущали иногда царствовавшее повсюду спокойствіе; это была старуха; она казалось находилась при послѣднемъ издыханіи; возлѣ сидѣла дѣвушка лѣтъ около двадцати, все ея вниманіе было обращено на страдалицу; она не сводила глазъ съ умирающей, нѣжнѣйшая дѣтская забота выражалась во всѣхъ чертахъ ея, она держала больную за руку и горячими поцѣлуями согрѣвая ее, хотѣла своимъ дыханіемъ вдунуть жизнь въ существо готовое отлетѣть отъ міра, которое какъ будто уносило съ собою и ея собственную жизнь. Слабый свѣтъ падалъ прямо на лицо дѣвушки; прекрасныя черты были помрачены глубокою горестію, сухіе и впалые глаза, изъ которыхъ не выкатывалось уже ни одной слезы, были отуманены отчаяніемъ; она казалось страдала больше умирающей матери: той страданія были тѣ-

лесныя, а этой душевныя: что сравнится съ ними. Къ утру больная стала стонать рѣже и забылась; дѣвушка прикрыла ее чѣмъ только могла, сѣла опять на свое мѣсто, небрежно склонила голову на руку и погрузилась, не въ сонъ, но въ какое-то оцѣпенѣніе. Чрезъ нѣсколько времени легкій стукъ въ дверь заставилъ ее вздрогнуть; она проворно подошла къ двери съ вопросомъ: кто тутъ? — »Это я, дитятко, отвѣчалъ голосъ, отопри, родная.« Дѣвушка тихо отперла дверь, и женщина очень не молодая, взошла въ избу. »Ну что, Грунюшка! какова мать?« — Очень плоха, тетушка (въ деревняхъ этимъ названіемъ пользуются пожилыя женщины), всю ночь почти прометалась и теперь, кажется, уснула. »А что у васъ не былъ староста вчера? — Нѣтъ не былъ; онъ не ходитъ съ тѣхъ поръ, какъ матушка отказала выдать меня за него. »То то и худо, что отказала. — А что такое? спросила испуганная Груша.« Ничего... такъ; я разумѣю, что онъ можетъ сдѣлать зло. — Зло?« какое? Отнять у насъ ему нечего; сама посмотри, родимая, что у насъ есть? »И, мать моя!

злымъ все надобно, хоть для того только, чтобъ сдѣлать зло.

Стонъ больной прервалъ разговоръ; она просила пить. Груша подала ей воды. »Охъ нѣтъ, говорила больная, вода мнѣ надоѣла.— Выпей квасу, матушка, сказала Груша сквозь слезы. »Нѣтъ, киселъ!—Чтожъ мнѣ ей дать? »Хотѣлось бы малосольнаго огурчика.»—Слышишъ, Груша! Такъ сбѣгай же къ Священнику; онъ не откажетъ; а я посижу съ матерью.—Но матушка пападья скуна —»Ну чтожъ? Она скупенька, а вѣдь все онъ старшій въ домѣ.—Посидижъ, родимая, я сама сбѣгаю.

Часто мы не можемъ отвѣчать за одинъ часъ въ нашей жизни; кто изъ насъ знаетъ, что настоящій часъ не есть послѣдній или нашей жизни, или счастія? Какъ часто случалось, что одинъ часъ перемѣняетъ судьбу цѣлой жизни. Конечно, по большой части, къ худшему, потому, что сдѣлаться счастливымъ трудно, а несчастнымъ очень легко. Такъ случилось и съ Грушею; выходя изъ дому, она знала, что у нее есть домъ, хотя и очень бѣдной, но есть родимой кровъ, гдѣ она можетъ

по крайней мѣрѣ плакать свободно, гдѣ ей никто не скажетъ ужасныхъ словъ: »ты живешъ въ чужомъ домѣ, изъ милости.» Но знала ли она, что ей некуда будетъ возвратиться, что чрезъ часъ будетъ она странницею въ этомъ мірѣ, что чрезъ часъ милосердіе людей (которое такъ рѣдко) будетъ ей давать пріютъ и укрывать отъ непогоды, что отъ каприза людей будетъ зависѣть ея жилище?

Староста той деревни сватался за Грушу, мать отказала ему, не потому, что онъ былъ неровня по лѣтамъ ея дочери, но потому, что не хотѣла выдать дочь на вѣрное несчастіе: этотъ человѣкъ уморилъ уже двухъ женъ своею жестокостію, и надѣясь на свое богатство, искалъ третьей жертвы. Груша ему очень нравилась и онъ бы давно уже сдѣлалъ предложеніе, но ему мѣшалъ одинъ молодой человѣкъ, женихъ Груши: это былъ пріемышъ ея матери, круглой сирота. Привычка жить вмѣстѣ съ молодыхъ лѣтъ и равная судьба, сдружила молодыхъ людей. Чтобъ избавиться отъ соперника, староста нашелъ случай обвинить его (чего не дѣлаетъ сильный?)

и отдалъ въ солдаты. Избавясь отъ него, онъ думалъ, что препятствія кончились; но, обманутый въ своей надеждѣ, отказомъ, староста озлобился и поклялся, во что бы нистало заставить Грушу и мать ея раскаиваться. Ему не трудно было найти къ тому средство: они были безпомощны.

Добѣжать до дома Священника, который былъ въ полверстѣ отъ нихъ, было дѣло нѣсколькихъ минутъ для Груши; но тамъ она была задержана; Священникъ медлилъ, потому что давалъ все тихонько отъ своей дражайшей половины, которая не любила даянія ближнимъ, а награждала обычнымъ своимъ увѣщаніемъ: всякъ пораньше вставай, да самъ себѣ припасай;—что же дѣлать? у каждаго свои слабости. Священникъ же всегда повторялъ слово Священнаго Писанія: »Блажени милостивіи, яко тіи помилованы будутъ.« Получа отъ Священника огурцы, Груша пустилась стрѣлою къ матери; она такъ спѣшила, что даже не поблагодарила встрѣтившуюся попадью, которая кричала ей что-то въ слѣдъ. Скоро приблизилась Груша къ дому;

но при самомъ входѣ сердце у нея замерло, и какъ будто тихій голосъ шепнулъ ей: не входи, тамъ тебя ждетъ бѣда. Собравъ силы, она переступила порогъ, и чтожъ ей представилось? Старуха, которая оставалась съ матерью, была въ слезахъ, а на лавкѣ сидѣлъ староста, и еще двое какихъ-то постороннихъ. »А, вотъ и наша голубка прилетела, сказалъ староста, все ли по добру, по здорову, красавица? — Слава Богу Спиридонъ Тимофѣевичь! проговорила Груша, кланяясь ему, и блѣднѣя Богъ знаетъ отъ чего.« Ну! слава Богу, лучше всего; а у меня есть вѣсточька, сказать тебѣ, послушай-ка, что приказалъ баринъ; а вѣстимо, что я долженъ повиноваться ему... онъ приказалъ... — Что? спросила Груша, едва внятно. »А то, чтобъ вы очистили землю, и съ вашей избенкой убирались бы, куда глаза глядятъ. Впрочемъ коли хочешь, то до завтра можешь быть въ ней, а завтра чѣмъ свѣть ее разломаютъ. Лѣсъ же пожалуй возми на дрова, чтобъ топить новую избу, когда выстроишь.« Съ этими словами онъ вышелъ, но долго еще по уходѣ его слышанъ былъ злобный смѣхъ

его. Въ избѣ же царствовала тишина: больная мать была слишкомъ слаба, чтобъ постигнуть весь ужасъ своего положенія, а несчастная дочь впала въ оцѣпенѣніе отъ страха и горести. Она оставалась долго въ томъ же положеніи, въ какомъ услышала ужасный приговоръ судьбѣ своей. Наконецъ мало по малу Груша начала приходить въ себя; посмотрѣла на мать и съ словами: Родимая моя, что съ тобою будетъ! кинулась къ ней. »Чго угодно Богу, говорила старуха въ забытьи, Его Святая воля!

Несчастная дѣвушка въ отчаяніи ломала руки, глядя на свою больную мать; и точно положеніе ея было ужасно. Совершенно одинокая въ мірѣ, она не имѣла надежды на покровительство: всегдашняя горесть ослабила надежду и на будущее въ душѣ ея, а несправедливость людей истребила и послѣднюю къ нимъ довѣренность.

До осьмнадцатаго года своей жизни Груша жила по чужимъ людямъ; работала, и на полученныя деньги, съ помощію Андрея, который также трудился неусыпно, содержала свою старую мать; она уже испытала

горькую участь, перенесла несправедливости и притѣсненія въ самой нѣжной молодости, она не видала ясныхъ дней, не слыхала ласковаго голоса и отрадныхъ словъ, кромѣ приказаній, за исполненіе которыхъ не было благодарности; но часто были несправедливые упреки. Когда же Андрея отдали въ солдаты (онъ одинъ только радовалъ ее), то Груша перешла къ матери, гдѣ жила бѣдно, но покрайней мѣрѣ въ своемъ углу, и съ существомъ, которое любило ее. А теперь у нее отнимаютъ и послѣдній пріютъ, безжалостно оставляютъ безъ покрова и защиты, — и бѣдная, въ горести, не знала, что дѣлать. »Полно, моя родная, плакать, лучше подумать, какъ бы помочь горю,« сказала старуха, уговаривая ее. »Постой, прибавила она, ты только что отъ батюшки попа, стало быть онъ дома, нельзя ли позвать его сюда, чтобъ онъ уговорилъ бусурмана, оставить вашу избенку; что она ему мѣшаетъ? а попа староста боится; можетъ статься, и послушаетъ.«

— Тетушка, тетушка, пошли ради Бога, а я не могу, не въ силахъ. — Такъ и быть обма-

ну его одинъ разъ; послѣ раскаюсь на духу, скажу, что мать твоя трудна, и желаетъ его видѣть; онъ скорѣй придетъ. Погоди, я сбѣгаю домой и пошлю за нимъ моего Тараса.

Старуха ушла, Груша осталась одна съ полумертвою матерью и съ мукою въ душѣ, которую испытываютъ въ минуту безнадежности. Картина будущаго рисовалась передъ ней ужасными красками. Нищета представилась ей во всей наготѣ; она видѣла мать свою безъ куска хлѣба и умирающею подъ открытымъ небомъ, сердце ея сжалось, и слезы полились изъ глазъ. »Моя крошечька! ты все еще плачешь, сказала возвратившаяся старуха;« развѣ этимъ поможешъ? Положись на Бога: Онъ никого не оставитъ; тыже еще такъ молода, всюду найдешъ пріютъ.

—Да развѣ я плачу о себѣ? развѣ о себѣ думаю? нѣтъ, у меня было такъ много горя, что его не оплачешъ! Я не плакала, когда жила у чужихъ людей; а тамъ мнѣ было невесело? сколько горя, сколько обидъ я перенесла. Молодость моя какъ осенній день была и скучна и пасмурна; радость не свѣтила для меня солнышкомъ, я не жало-

валась, плакала ли я, когда злые люди взнесли на меня небылицу, и Богъ вѣсть, что выдумывали про меня и про Андрея! Сердце мое было покойно, душа чиста, и я сказала сама себѣ: это клевета, я невинна, Богъ когда нибудь оправдаетъ, и—не горевала; я не плакала при людяхъ и тогда, когда отняли у меня всю радость, все мое послѣднее счастіе, отдали въ солдаты моего милаго, моего сердечнаго Андрея и лишили меня и матушку подпоры! Плакала ли я тогда? а съ нимъ я все потеряла, онъ унесъ съ собою мою душу и оставилъ мнѣ муку вѣчную. Я страдала одна одинехонька и никто про то не вѣдалъ. Матушкѣ я замѣнила моего Андрея, и она была покойна, а теперь неужели она должна ходить по чужимъ домамъ и питаться чужимъ горькимъ кускомъ хлѣба? Она этого не перенесетъ, умретъ не отъ болѣзни, а отъ горя.

Нечѣмъ было утѣшать Грушу, и старуха покачавъ головою, сказала: бѣдному вездѣ бѣда!

Былъ уже полдень; срокъ данный старостою оканчивался; и они еще не знали,

куда пойдутъ завтра, гдѣ приклонятъ головы, подъ чьимъ кровомъ закроютъ глаза, померкшіе отъ слезъ.

Какъ прекрасно сотворилъ Богъ міръ для человѣка! Сколько радостей, удовольствій въ немъ далъ ему, и не всѣ ли мы имѣемъ одинаковое право въ этомъ пріютѣ, данномъ намъ Отцомъ нашимъ, предъ которымъ мы всѣ равны: не всѣ ли мы братья и сестры; но всѣ ли мы счастливы? сколько есть добрыхъ сыновъ, которые изгнаны изъ дома отцовскаго, лишены всего необходимаго, лишены всѣхъ радостей жизни; неужели они такъ же забыты и Милосердымъ Отцомъ Небеснымъ, какъ и ближними своими? Нѣтъ! Онъ всѣхъ одинаково любитъ и хранитъ, и не рѣдко неизвѣстными намъ путями своего провидѣнія, чрезъ бѣды и печали, ведетъ насъ къ радости и успокоенію.

»Чтожъ это, мой сынъ нейдетъ отъ батюшки; десять разъ можно бы сходить? сказала наконецъ старуха.—Можетъ быть, батюшка не захотѣлъ прійти, сказала Груша, мы еще ему не заплатили за соборавaніе. »И полно, онъ такой милости-

вой и богобоязливой, развѣ только матушка попадья отсовѣтуетъ; да нѣтъ, онъ не послушается... Кажется идутъ, точно они; обѣ женщины встали и низко поклонились вошедшему Священнику. Это былъ человѣкъ небольшаго росту, худощавый и имѣлъ очень доброе сердце; но взоръ его выражалъ какую то робость. »Миръ вамъ, дѣти мои,—что? или больная очень слаба?—Нѣтъ, кормилецъ! ей все такъ же, но мы тебя трудили за другимъ. »Что такое?—Насъ выгоняютъ изъ дому, сказала Груша,—не можешъ ли ты поговорить старостѣ, чтобъ оставилъ насъ хотя до времени, пока матушкѣ будетъ полегче, куда я ее потащу? Не откажи, кормилецъ, помоги сиротамъ! Мы будемъ за тебя вѣчно Бога молить! »Радъ душею, но не знаю, успѣю ли, сказалъ священникъ; я поговорю съ нимъ.«

Солнце уже клонилось къ западу, когда онъ возвратился и сказалъ: »ну, дѣти мои, все тщетно, и вашему горю помочь нельзя; староста мнѣ показалъ барской приказъ; конечно отъ него зависѣло, не наводить господъ на это; ну! а когда они прика-

зали, то надо повиноваться. »Но батюшка! говорила старуха, сидѣвшая съ Грушей, кудажъ бѣдная дѣвка укроется съ больною матерью?» И самъ не знаю, сказалъ, вздохнувъ Священникъ, я бы ее взялъ къ себѣ, да мнѣ нельзя, попадья не согласится. Никитичь, содержатель постоялаго двора, я думаю, не откажется взять къ себѣ старуху мать, а дочь гдѣ нибудь найдетъ пріютъ. »Я и сама думала про него, возразила старуха, да онъ еще третьяго дня уѣхалъ въ городъ, а все сбѣгаю и спрошу кой у кого, не видалиль, не пріѣхалъ ли онъ домой? И она вышла.

Оставшись одинъ съ Грушею, Священникъ старался утѣшить, и влить въ душу ея надежду; но видя, что всѣ усилія его были тщетны, и несчастная страдалица была въ какомъ-то изступленіи, глядя на больную безпріютную мать; не въ силахъ будучи выносить долѣе этого зрѣлища, благословилъ онъ мать и положа въ руку дочери серебреный рубль, вышелъ вонъ, сказавъ: не говори никому объ этомъ.

Какъ провела остатокъ дня и ночь несчастная дѣвушка, то скорѣе можно вообра-

зить, нежели описать: о! эта ночь была для Груши гораздо тяжелѣе прошедшей; тогда вся ея забота была, чтобъ успокоить и отогрѣть бѣдную мать, все желаніе, чтобъ она получила облегченіе и была здорова, а теперь она сидѣла, какъ окаменѣлая, безъ малѣйшаго движенія, боялась пошевелиться, чтобъ не разбудить мать и не нарушить горестнаго ея спокойствія. »Не просыпайся, думала Груша глядя на мать, зачѣмъ тебѣ просыпаться? не открывай глазъ, они уже не встрѣтятъ крова родительскаго. Намъ теперь только одинъ пріютъ—мать сыра земля, въ которую бы я легла теперь легко и радостно; мы всѣми оставлены, къ кому прибѣгнуть намъ?«

Вдругъ ударъ колокола раздался въ ушахъ дѣвушки, и какъ бы напоминая ей о Богѣ и молитвѣ. Это было подъ Воскресенье, и благовѣстъ возвѣщалъ всѣмъ мирнымъ жителямъ, что уже насталъ часъ молитвы. Это пробудило въ душѣ у несчастной, какое то тихое чувство; ей какъ будто шептало что-то: »Молись! Богъ услышитъ тебя.« Она преклонила колѣна предъ образомъ; усердно молила Творца не оставить

ихъ; слезы градомъ текли изъ глазъ ея: это были не тѣ слезы, которыя рвутъ сердце, но слезы умиленія. Долго молилась она, и молитва облегчила ее; она какъ будто нашла защитника, которому повѣрила свою печаль: и точно, она ввѣрилась Тому, кто всѣхъ пріемлетъ подъ свой покровъ. Уже разсвѣтало, когда Груша окончила молитву; она подошла къ матери, нѣжно взяла ее за руку. »Что съ тобою, Груша, произнесла, проснувшись мать, или ты уже встала? — Да, матушка, каково тебѣ? »Мнѣ полегче, только какой страшной я видѣла сонъ, будто насъ выгоняютъ отсюда. — Ахъ матушка! намъ надобно молиться Богу, онъ насъ не оставитъ, ты видѣла не сонъ, но сущую правду, кормилица моя! не грусти, прибавила она, обнявъ мать, я буду съ тобою, и мы не погибнемъ.

»Насъ выгоняютъ, говорила мать, оставляютъ безъ пріюту?» Господи! за что твой гнѣвъ на насъ? Да кто же это? »Груша какъ можно больше щадя мать, разсказала, такъ какъ было только возможно

сообщить ей. Старуха долго молчала, потомъ сказала: »Господняя воля, дитятко мое! должно ей покориться. Пути его неисповѣдимы. Ну, дитятко, собери же все, что есть у насъ. »Груша горько улыбнулась, взглянувъ вокругъ себя; ей нечего было собирать: болѣзнь матери все истребила, все было продано, только нѣсколько горшковъ, чашки и лошки уцѣлѣли, но этого не стоило и брать. Однако, чтобъ сдѣлать угодное матери, она стала собиратъ все; но не успѣла окончить своихъ соборовъ, какъ голоса предъ избой возвѣстили приходъ старосты. Мщеніе, какъ и любовь, не любятъ отсрочекъ. Груша задрожала, и то, что было въ рукахъ, покатилось по полу.—Ахъ, матушка! пришли!... Дверь отворилась, и староста вошелъ; помолясь Святымъ иконамъ, онъ сказалъ хозяевамъ: по добру ли-по здорову, добрые люди! Ну, что, готовы ли вы? »Готовы, кормилецъ, отвѣчала больная, только какъ не боитесь Бога, обижать двухъ сиротъ? »Баринъ приказалъ, а не я.—Но батюшка, ку даже мы пойдемъ? »Да куда хочешъ, мнѣ что до того, у тебя же та-

кая красивая дочь, что какъ разъ найдетъ жениха, и молодаго и добраго!

—Родимой ты мой, умилосердись! »Матушка, сказала Груша, не проси. Злые люди не жалостливы.— Вотъ что поговариваетъ, дочька-то! Ну вы убирайтесь! мнѣ нѣкогда ждать!

Кому не жаль покидать крова роднаго? кто не любитъ мѣста своего дѣтства? и несчастная больная, зарыдавъ лишилась чувствъ, при этой мысли. Груша въ горести ломала руки, глядя въ послѣдній разъ на домъ, гдѣ родилась и выросла. »Ну чтожъ стали? сказалъ староста людямъ, которые бѣжали со всѣхъ сторонъ, чтобъ взглянуть, какъ будутъ выгонять изъ дому мать съ дочерью. И несчастную безъ чувствъ понесли и положили на траву въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дома. Груша, рыдая, стояла на колѣняхъ возлѣ матери, стараясь привести ее въ чувство. Толпа окружающая ихъ, показывала живое участіе къ двумъ изгнанницамъ; но никто не смѣлъ предложить имъ пріютъ, боясь мщенія ихъ гонителя. »Что это за зборъ?

произнесъ человѣкъ вновь пришедшій. —Илья, Никитичь! раздались голоса въ толпѣ, откуда кормилецъ? »Изъ города возвращался въ домъ, да увидя издали этотъ зборъ, пришолъ узнать, зачѣмъ вы тутъ?—Да вотъ Прасковью съ дочерью выгоняютъ изъ дому.« Выгоняютъ! Кто? за чго?—Я, сказалъ староста. »Ты! а по какому праву?—По барской волѣ. »Лжешъ, супостатъ! не по волѣ господъ, а по своей злобѣ.«—Да что ты! вскричалъ староста; что тебѣ до нихъ? боимся мы тебя! »Ахъ ты собака! нашелъ надъ кѣмъ выказывать волю! надъ бабами! ехъ ты горе молодецъ! А гдѣ они? Ему показали на нихъ. »Господи! въ какомъ положеніи! несчастные, говорилъ онъ, подходя къ Грушѣ, что ты такъ рвешся, дитя мое, надѣйся на Бога и людей; не всѣ старосты; не пропадешъ.—Бѣда наша пришла! »Вижу, Грушинька. Кудажъ вы теперь?— И сами не знаемъ. »Не знаете? Тутъ содержатель постоялаго двора окинулъ взглядомъ всю толпу. Вижу, сказалъ онъ, что всѣ боятся дать тебѣ пріютъ; ну да и то правда, всякому до себя. Ну, Груша! коли не по-

брезгаешъ моимъ хлѣбомъ солью, то милости прошу ко мнѣ, чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ. Вмѣсто всякаго отвѣта Груша крѣпко сжала руку добраго человѣка. »Согласна ли? продолжалъ онъ. — Спасибо отвѣчала она, отъ добраго дѣла, какъ отъ милости Божіей ненадо отказываться .»Эй вы добрые люди! кто согласится отвести больную ко мнѣ, я заплачу? Я, я, я! раздалось въ толпѣ ».Ну такъ давай скорѣй телѣгу да настели въ нее побольше сѣна. Скоро пріѣхалъ мужикъ съ телѣгою; содержатель постоялаго двора сѣлъ править, больную бережно положили. »Садись, Груша, возлѣ матери и держи ее, да неплачь; Богъ милостивъ; бываетъ и изъ худаго хорошее.

Телѣга поѣхала, всѣ глядѣли съ участіемъ въ слѣдъ за нею. Но это чувство ослабѣвало по мѣрѣ того, какъ несчастные удалялись, и когда не стало ихъ видно, то всѣ занялись другимъ предметомъ — домомъ, который начали ломать.

Въ одну изъ лунныхъ Декабрьскихъ ночей по большой дорогѣ неслись во весь духъ двѣ тройки почтовыхъ лошадей. Въ первой повозкѣ находился человѣкъ лѣтъ тридцати пяти; военная шинель и фурашка съ краснымъ *ободочкомъ* показывали, что это былъ военной; онъ безпечно глядѣлъ на мелькавшія передъ нимъ поля, или слѣдилъ глазами дымъ, выходившій изъ трубки его и изчезавшій въ воздухѣ, какъ мечта молодости. Въ другой же были двое, одинъ лѣтъ около тридцати, сидѣлъ задумавшись, и не обращалъ никакого вниманія на своего товарища, другой гораздо моложе его, который ежеминутно разговаривалъ съ извощикомъ, или пѣлъ про себя пѣсни.

— Скоро ли приѣдемъ? спросилъ сидѣвшій въ передней повозкѣ.

— Уже подъѣзжаемъ, ваше Благородіе! отвѣчалъ ямщикъ.

— Эй, Храбровъ! ты живалъ въ этой сторонѣ, нѣтъ ли у тебя знакомаго постоялаго двора здѣсь?

— Есть, Ваше Благородіе.

— Ну такъ вели остановиться тамъ.

— Слушай, говорилъ старшій въ другой

повозкѣ, извощику, направо третій домъ съ зелеными окнами.

Наконецъ они пріѣхали, остановились противъ означеннаго дома, въ которомъ свѣтилось много огней.

—Милости просимъ! раздался голосъ хозяина: ночлегъ славной, кушанья вдоволь, и кормъ лошадямъ по сходной цѣнѣ. »Многоли у тебя постояльцевъ?— И нѣтъ, сударь... »Да чтожъ это такъ свѣтло? Ахъ, это дѣвки играютъ—теперь вѣдь святки.—Ну показывай дорогу. Хозяинъ ввелъ гостей въ чистую и теплую комнату, и спросилъ: чего приказать изволите, Ваше Превосходительство? Это онъ сказалъ потому, что увидѣлъ у пріѣзжаго кресты.—Да чего хочешъ, только поскорѣй; и прикажи моему человѣку вынуть все изъ повозки. Хозяинъ вышелъ; и вскорѣ оба человѣка вошли въ комнату, неся по узлу въ рукахъ, у старшаго была рука подвязана.— Ну, Иванъ! ставь скорѣй самоваръ, а Храбровъ останется со мною. Что братъ, Храбровъ! усталъ съ дороги? — И нѣтъ, господинъ Полковникъ, отъ чего тутъ устать? Арапа

твоя?—Слава Богу! Ничего, Ваше Высокородіе! »Далеко ли намъ еще ѣхать вмѣстѣ?—Двадцать пять верстъ. »И такъ завтра мы разстанемся.—Да, Ваше Высокородіе, но я вашихъ милостей по гробъ не забуду. —Помилуй, братъ! какія милости, что ты теперь въ отставкѣ; то это потому, что ты не можешь уже служить, пожертвовавъ за меня рукою. Пенсіонъ же ты заслужилъ по всей справедливости; слѣдовательно я тутъ ни при чемъ. Вотъ тебя, такъ трудно мнѣ забыть: за каждую минуту жизни я тебѣ обязанъ. — И, Ваше Высокородіе, я только исполнилъ долгъ мой. »И я его не забуду. Ну разскажи естьли у тебя родные на родинѣ?— Нѣтъ никого.

—Чтожъ тебя такъ туда тянетъ? Вѣдь родина хороша родными, а безъ нихъ какъ солнце: зимой свѣтитъ, да не грѣетъ. »У меня тамъ есть, Ваше Высокородіе! родная по сердцу. — А, ну—это дѣло другое.

Въ это время пришла накрывать столъ молодая дѣвушка, проворно раскинула скатерть, и приблизилась съ тарелками къ

тому концу стола, гдѣ Храбровъ стоялъ задумавшись. Она нѣсколько времяни глядѣла на него, и потомъ вдругъ вскричала: « Андрей! мой Андрей! тебя ли я вижу? Храбровъ вздрогнулъ, и взглянувъ въ лице дѣвушки, также вскричалъ: Груша моя, Груша, тебя ли я вижу?—Ахъ, Андрей! Богъ умилосердился, ты вернулся къ намъ, какъ я рада! какъ обрадуется матушка! « Да, моя милая! вернулся и навсегда; да какъ ты здѣсь очутилась?—Ахъ, Андрей, Андрей! мы безъ тебя много горя перенесли, насъ выгнали изъ дому. — Ну чтожъ вы стали, сказалъ вошедшій хозяинъ, помилуй, Груша, чтожъ ты? ну — проворнѣе. — Тутъ только Андрей и Груша вспомнили, что они не одни.

—Не трогай ее, хозяинъ, сказалъ Полковникъ, она нашла своего Андрея. — « Не ужели? Да какъ же я тебя не узналъ? Андрей, Андрей, и не сказался. Здорово, дружище! да какъ же ты перемѣнился! Груша! видишъ, вѣдь гаданье-то тебѣ въ руку; а все надобно похлопотать для господина Генерала, его милость я думаю

кушать хочетъ. »Сей часъ, сказала Груша, и побѣжала хлопотать.

Какъ теперь дѣлалось все скоро! радость придала ей и силу и охоту, а горе все уничтожаетъ. Когда все было готово, и всѣ стали ужинать, въ это время Груша разсказала все Андрею, и то, что Никитичь взялъ ее и мать къ себѣ и потомъ послалъ Грушу къ своему брату, гдѣ она получаетъ хорошую плату.— Мнѣ во всемъ бы хорошо, мой сердечной другъ! да только грустно было жить безъ матушки, и безъ тебя. »Ну, моя милая, теперь будемъ уже неразлучны; но скажи, пожалуй! какое право баринъ имѣлъ выгонять васъ изъ дому?.... —Да какъ же, Андрей! вить матушка солдатка, а я солдатская дочь. »Вотъ что, прибавилъ Андрей! но развѣ можно такъ притѣснять семью солдата, который положилъ свою голову за Царя и Отечество; за это можно жаловаться.—Кому, Андрей? жалобы бѣднаго никто не услышитъ; онъ всюду виноватъ. Ну да полно объ этомъ; что было, то прошло, и теперь я счастлива. Счастливые не видятъ, какъ время летитъ, и потому было уже далеко за пол-

ночь, когда они разстались; остатокъ ночи Груша провела въ пріятныхъ мечтаніяхъ; еще недавно, не зная счастія, она теперь, не знала никого счастливѣе себя; будущность какъ пріятное отдаленіе раскинулась предъ нею. Радость, какъ и горе, мѣшаютъ спать, и Груша уже предъ самымъ свѣтомъ уснула. Голосъ хозяйки разбудилъ ее; самая лучшая минута въ жизни есть пробужденіе счастливаго. Въ глазахъ Груши теперь все перемѣнилось; все было такъ хорошо и радостно; небо сдѣлалось свѣтлѣе, и люди казалось стали добрѣе прежняго; теперь Груша всѣхъ любила; она даже простила старосту, а все потому только, что была сама счастлива. — Ну вставай, Груша, говорила хозяйка, пріѣзжій баринъ велѣлъ позвать тебя. — Послушай, душенька, сказалъ Полковникъ вошедшей Грушѣ: твоему жениху я обязанъ многимъ; онъ спасъ мнѣ жизнь, и сдѣлался колѣкою за меня; справедливость требуетъ, чтобъ я что нибудь сдѣлалъ для него, и такъ, вотъ, возьми это. Онъ подалъ ей бумагу, и свертокъ съ надписью: »тебѣ на приданое.« А бумагу от-

дай твоему Андрею, когда я уѣду. Не благодари, миленькая! Я радъ что нибудь сдѣлать для васъ. — «Лошади готовы, сказалъ вошедшій слуга. Храбровъ слѣдодовалъ за нимъ.— Прощайте, Ваше Высокородіе, говорилъ онъ подходя къ Полковнику, дай Богъ вамъ быть всегда здоровымъ и счастливымъ.— «Прощай, братъ Храбровъ, отвѣчалъ Полковникъ, подавая руку Храброву; я надѣюсь, что ты не забудешъ своего обѣщанія, и если будешь имѣть въ чемъ нужду, то пріѣдешъ ко мнѣ. »Я пріѣду къ вамъ, чтобъ еще разъ взглянуть на васъ Полковникъ! »

Чрезъ нѣсколько минутъ, лошади уже неслись по большой дорогѣ. Задумчиво глядѣлъ Андрей имъ въ слѣдъ. Онъ какъ и всѣ Русскіе, привязанъ былъ къ своимъ начальникамъ. Голосъ Груши вывелъ его изъ задумчивости.—Андрей! вотъ, это Полковникъ велѣлъ отдать тебѣ. — « Бумага? что бъ это значило?—«А это мнѣ на приданое.—Покажи! Развернувъ пакетъ, они увидѣли множество ассигнацій. «Ахъ, Андрей! деньги! и какъ много, слава Богу, какъ я рада; ну развертывай поскорѣй

бумагу, что тамъ написано. Андрей развернувъ бумагу и прочтя ея содержаніе, крѣпко вздохнулъ, и слезы навернулись у него на глазахъ.—Андрей, Андрей, чтожъ такое въ бумагѣ, о чемъ ты плачешъ? Онъ мнѣ жалуетъ триста рублей въ годъ пенсіону.« Триста рублей? всякой годъ, ахъ какая милость, какой добрый баринъ! —Какъ жаль, говорилъ тронутый Храбровъ, что я не могу больше служить подъ командою его и еще разъ подраться при его глазахъ. »А меня-то Андрей въ другой разъ покинешъ.— Нѣтъ не покину, но ты, Груша, не понимаешъ той грусти, какую я теперь чувствую!

Добрые люди, у которыхъ жила Груша, очень были рады ея счастію, и въ тотъ же вечеръ отвезли ее къ матери. Радость старухи была неописанна; при видѣ Андрея, она плакала, молилась и смѣялись все вмѣстѣ. Теперь она была увѣрена, что злые люди ее уже не обидятъ. —Ахъ, Андреюшка, сколько горя перенесла безъ тебя моя бѣдная дѣвка.— Знаю, матушка, знаю, что много нуждъ она видѣла;

но за то теперь будетъ умѣть цѣнить свое хорошее житье, и судя по себѣ, будетъ добрѣе и къ другимъ. »Да и ты-то, дитятко! сколько нуждъ и горя перенесъ, доконали тебя злые люди! — Нужду я несъ равную съ моими товарищами, а люди мнѣ ничего худаго не сдѣлали. »Какъ, мой батюшка, не сдѣлали: отдали въ солдаты и сдѣлали калѣкою, вить рука-то у тебя не владѣетъ. — Охъ, матушка! всегда мы смотримъ на одно дурное, а объ хорошемъ, такъ и помину нѣтъ. Ну, я не спорю, что въ мысляхъ у людей, было сдѣлать мнѣ зло, но они его не сдѣлали. Ну что бы было, если бы я все жилъ по прежнему съ вами въ деревнѣ? вовѣки бы вѣковъ оставаться мнѣ бѣднымъ и можетъ быть послѣднимъ во всей деревнѣ. — А теперь-то что? — Матушка! теперь я солдатъ, и исполнилъ мой долгъ передъ Царемъ и святою родиною; я служилъ съ честію, въ дѣлѣ отъ товарищей не отставалъ, положилъ десятка два непріятельскаго зброда, былъ раненъ и за то получилъ милость Царскую, спасибо отъ начальниковъ, и привѣтливой взоръ

отъ всякаго добраго человѣка; раненаго солдата за батюшку Царя, всякой уважаетъ и не посмѣетъ притѣснить какъ прежде. — Но рука то твоя? — Охъ, матушка, какая же ты мудреная, затвердила одно: рука, да рука! Да знаешъ ли ты, что этой рукой мнѣ помогъ Богъ спасти жизнь нашему доброму начальнику и сохранить Батюшкѣ Царю полезнаго человѣка; а это такое дѣло, что не всякому и головою удастся купить. — Все хорошо, но ты безъ руки. — Ну, матушка! съ тобою не столкуешъ; какъ бы мнѣ тебѣ сказать то, чтобы ты поняла. Ну постой, вотъ это по твоей части? Слушай! я потерялъ руку, да нажилъ добраго благодѣтеля, который мнѣ въ одинъ день далъ столько, сколько бы я съ здоровыми руками и въ вѣкъ мой не выработалъ; да и каждый годъ по стольку же почти будетъ намъ присылать, потому что я за такое дѣло не взялъ бы платы. — А почему же? — «Потому... но вѣдь ты меня опять не поймешъ: почему, потому, что теперь, по милости Бога и добрыхъ людей, мы обезпечены на всю жизнь, имѣемъ свой кусокъ хлѣба, за который ни

кому не кланяемся; и такъ тебѣ только осталось молиться Богу, да благодарить добрыхъ людей, и забыть тѣхъ, которые мыслили сдѣлать намъ зло, а мы пріобрѣли отъ него добро.

ПОВѢСТЬ.

МЫ БѢЖИМЪ ОТЪ ГОРЯ, А ГОРЕ БѢЖИТЪ ЗА НАМИ.

Минувшимъ лѣтомъ были мы въ деревнѣ у одного знакомаго на именинахъ; но какъ въ деревню нельзя пріѣхать на одинъ день, а особлнво верстъ за шестьдесятъ, то мы и пріѣхали къ нему за недѣлю. Гостямъ были очень ради, занимались ими, веселили ихъ и доставляли всевозможныя удовольствія.

Люблю я быть въ гостяхъ, да только въ деревнѣ; тамъ нѣтъ той духоты, какая въ городѣ, нѣтъ той принужденности,

какая въ гостинной, нѣтъ тѣхъ условленныхъ приличій, которыя сковываютъ и языкъ и волю. Въ деревнѣ свобода и откровенность, тамъ привольно и душѣ и сердцу.

Въ три дня мы побывали вездѣ, обходили всѣ окрестности, осмотрѣли всѣ работы, всѣ строенія и всѣ поля. Однажды, послѣ обѣда, хозяинъ нашъ предложилъ намъ идти гулять въ маленькую рощу, въ которой одной мы еще не были, и потому предложеніе было всѣми охотно принято. Дорога въ рощу была мимо сельскаго кладбища. Люблю я сельское кладбище; тамъ хорошо, тамъ спокойно душѣ, окружающая тишина, вѣчный, безмятежный, завидный сонъ усопшихъ, навѣваетъ на душу какую-то ограду, вливаетъ въ сердце покой, какъ бы говоритъ, что и я когда нибудь избавлюсь отъ страстей и страданій и обрѣту миръ и покой. На сельскомъ кладбищѣ не встрѣчу я великолѣпныхъ памятниковъ, поставленныхъ богатому родственнику его наслѣдниками, не услышу хора пѣвчихъ, гласящихъ вѣч-

ную память усопшему, часто къ радости оставшимся; но сколько памяти любви и горячихъ слезъ встрѣчу я тамъ. Тамъ нѣтъ траурныхъ платьевъ, уставленныхъ свѣтскимъ приличіемъ, на годъ; но тамъ можно встрѣтить чрезъ много лѣтъ глубокій трауръ въ душѣ по умершемъ, тамъ ко всякой могилѣ проложена дорожка, что показываетъ, что живые навѣщаютъ прахъ отшедшихъ. Тамъ печальныя не по уставамъ общества, не столько сколько позволяетъ свѣтское приличіе, но столько, сколько требуетъ душа и сердце, и если тамъ плачутъ надъ могилой мужа, матери, брата, друга, то не изъ приличія, но по чувству. О, люблю я сельское кладбище! Проходя мимо его, мы встрѣтили стараго солдата. »Здравія желаю, Ваше Благородіе!« сказалъ онъ, вытянувшись предъ нашимъ хозяиномъ.

— А, здравствуй служба, куда ты идешь? »Да прогуляться, на кладбище.— Помилуй, Павелъ, что это ты свелъ компанію съ мертвецами. »Да свой своему по неволѣ другъ, Ваше Благородіе, я одной ногою

стою уже въ гробу, то по неволѣ дружишся съ тѣми, къ кому ближе.

—Что это за человѣкъ? спросили мы.

—Солдатъ, какъ видите, но преинтересное лице, если бы вы знали его жизнь, это сущій романъ. Если хотите, я вамъ разскажу. —Ахъ, пожалуста, ради Бога, — раздалось со всѣхъ сторонъ.

—Но прежде не много погуляемъ, а потомъ сядемъ отдохнуть и тогда услышите, отвѣчалъ онъ.

Наслѣдственное отъ прародительницы нашей Еввы любопытство сократило нашу прогулку, мы желали, какъ можно скорѣе удовлетворить его. И такъ не пройдя и десяти шаговъ, мы почувствовали усталость и просили отдыха. Разумѣется многіе догадались о причинѣ нашей усталости и съ улыбкою согласились на наше требованіе. Наконецъ мы сѣли и нашъ хозяинъ началъ разсказъ такъ, или почти такъ.

—»По окончаніи Польской войны, я возвращался домой, со мною былъ деньщикъ и еще одинъ молодой солдатъ, который слу-

жилъ въ моей ротѣ, славный малой, исправный, честный, храбрый, однимъ словомъ, таковъ, какимъ надобно желать видѣть всякаго Русскаго солдата. Подъ Варшавою, онъ славно дрался, но храбрость не спасла его отъ тяжелой раны. Окончательное время войны онъ провелъ въ лазаретѣ, и когда я началъ собираться домой, то онъ уже выходилъ изъ лазарета и просилъ меня неотступно взять его съ собою, говоря, что ему хочется еще разъ побывать на родинѣ и что это не далеко отъ моихъ помѣстьевъ. Я согласился; но докторъ мнѣ сказалъ, что онъ не долговѣченъ, что рана его будетъ имѣть дурныя слѣдствія. Наконецъ мы поѣхали. Предвѣщаніе доктора сбылось. Въ продолженіе пути солдатъ чрезвычайно ослабѣлъ, и я въ Виленской Губерніи оставя его съ моимъ деньщикомъ, отправился одинъ. Но верстъ за сто отъ дома, принужденъ былъ по причинѣ дождя остановиться въ постояломъ дворѣ. Не смотря ни на просьбы, ни на угрозы, ни одинъ извощикъ не хотѣлъ меня везти; дождь лилъ какъ изъ ведра, молнія и громъ не переста-

вали ни на минуту. Постояльцевъ было не много: какой-то солдатъ, да еще человѣка три купцовъ; остановка, препятствіе, темнота, шумъ и крикъ ребятишекъ, которыхъ было у хозяина съ дюжину, наводили на меня несносную скуку. Избѣгая ея, я началъ разговоръ съ солдатомъ, онъ разсказалъ мнѣ всю жизнь свою.

—»Я почувствовалъ сердечное къ нему сожалѣніе и расположился къ успокоенію послѣднихъ дней его жизни помѣстить въ устроенномъ отцомъ моимъ заведеніи. Вамъ извѣстно, что мой батюшка вышедши въ отставку, сдѣлалъ у себя въ деревнѣ богадѣльню для двадцати отставныхъ солдатъ и занимался съ ними разговорами о походахъ и сраженіяхъ. Я предложилъ старику ѣхать со мною. Разумѣется, предложеніе было принято съ радостію; батюшка обрадовался новому товарищу: такъ онъ называлъ ихъ. Пріятно было видѣть, какъ при входѣ батюшки въ богадѣльню всѣ наши инвалиды, многіе на одной ногѣ, вытянутся и закричатъ: здравія желаемъ, Ваше Превосходительство! Здорово, реби-

та, скажетъ батюшка, и начнетъ слушать рапорты, разспрашивать, приказывать и все еще воображаетъ себя дивизіоннымъ командиромъ. Мѣста были всѣ заняты въ богадѣльнѣ, и потому мой старикъ солдатъ не хотѣлъ быть сверхъ штатнымъ и просилъ, чтобъ помѣстили его при деревенской нашей больницѣ смотрителемъ. Недѣли чрезъ полторы послѣ моего пріѣзда, пріѣхалъ и мой слуга съ молодымъ раненымъ солдатомъ; раненый былъ очень плохъ, дорогою рана его раскрылась и сдѣлалась неизлечимою; его помѣстили въ больницу. На другой день намъ сказали, что молодой солдатъ сынъ старика привезеннаго мною. Я этому былъ очень радъ и тутъ же пошелъ въ больницу; старикъ, незнакомый съ радостями жизни, видя сына, былъ въ восхищеніи и плакалъ отъ радости. Но бѣдный больной сближался ко гробу. Отецъ не отходилъ отъ его постели, но и этого утѣшенія онъ скоро былъ лишенъ: чрезъ мѣсяцъ сынъ умеръ на его рукахъ. Съ тѣхъ поръ любимая его прогулка на кладбище и самый пріятный отдыхъ на могилѣ сына.

—»Но пусть онъ самъ разскажетъ: я не въ состояніи передать его собственныхъ чувствъ и простоты разсказа.»

Мы подозвали солдата, который сидѣлъ задумчиво на могилѣ, и онъ отеревъ слезы на глазахъ, началъ слѣдующее:

»Родина моя въ 30 верстахъ отсюда. Много горя видѣлъ я въ малолѣтствѣ. Отецъ мой такъ же какъ и я былъ отданъ въ солдаты и оставилъ матушку и меня на рукахъ семьи; я еще былъ очень малъ и не могъ работою доставать себѣ пропитаніе. Стало-быть меня кормили изъ милости, а куда горекъ чужой хлѣбъ; не мы его, а онъ насъ ѣстъ; я тогда этаго не чувствовалъ, былъ бы я сытъ, а какъ, того и знать не хотѣлъ; но за то бѣдная мать моя; я и до сихъ поръ вспомнить не могу: бывало она встанетъ чѣмъ свѣтъ, проработаетъ весь день, вездѣ, ко всякому дѣлу поспѣетъ, всякое дѣло и въ домѣ и въ полѣ исправитъ и всегда работала больше другихъ. Чтожъ, семья этого не замѣ-

чала, а видѣла только то, что я даромъ ѣмъ хлѣбъ, и намъ съ матерью не было другой кличьки, какъ дармоѣды. Этакъ мы жили годовъ съ пять, пока я не подросъ; правда я былъ еще не годенъ для полевой работы; но за то дома я былъ помощникъ матушкѣ: что было мнѣ подъ силу, я все работалъ; можетъ статься, я не принялся бы такъ рано за дѣло и игралъ бы вмѣстѣ съ моими товарищами, если бы къ этому меня не принуждало горе и попреки всѣхъ домашнихъ, не только большихъ, но даже и малыхъ. Не приведи Господи, жить изъ милости у немилосердыхъ людей! Свой теплый уголъ и кусокъ чернаго хлѣба нельзя промѣнять на чужія палаты и богатыя кушанья. Я помню одно приключеніе, которое мнѣ и до сихъ поръ памятно: однажды, мнѣ было тогда лѣтъ двѣнадцать, я дѣлалъ себѣ удочки на завалинкѣ, вдругъ ко мнѣ подбѣжалъ мой двоюродный братъ, взялъ и переломилъ мою уду. Экой ты бѣсенокъ, Ванюша, сказалъ я ему, все ты дуришь! Я взялъ другое *удило*, онъ и то переломилъ, я разсердился на него, выдернулъ у него изъ

рукъ палку и ударилъ его. Онъ закричалъ, и мать его явилась ему на защиту; ужъ разумѣется я былъ обвиненъ, и меня порядкомъ притаскали; но малой не унялся кричать и требовалъ, чтобъ ему самому позволили поколотить меня. За что, я сказалъ, вѣдь ты виноватъ, а не я? Тутъ родная его закричала на меня: ахъ ты нищій, да ты еще и разговорился! живешъ съ матерью у насъ въ домѣ, ѣшъ машъ хлѣбъ и все даромъ, да еще ослушаешься моего сына! И взявъ меня за волосы, нагнула къ мальчишкѣ. Охъ, Ваше Благородіе, и теперь сердцу тяжко; не побои мнѣ были больны, а обида! я ушелъ изъ дому и не приходилъ два дни. Я присталъ къ пастухамъ ближняго села; къ счастію одинъ изъ нихъ не захотѣлъ быть больше пастухомъ, и меня приняли на его мѣсто. Тутъ мнѣ стало легче, я заработывалъ себѣ хлѣбъ, и міръ кормилъ меня безъ попреку. Сладокъ трудовой хлѣбъ. Такимъ образомъ я достигъ 16 лѣт Парень я былъ видной и, не хвастаясь скажу, работящій, и потому одинъ крестьянинъ изъ ближняго села нанялъ меня

въ работники; семья у него была хорошая, дружная, и я скоро у нихъ обжился и сдѣлался семьяниномъ; работалъ я прилежно и усердно, чтобъ не сказали, что даромъ хлѣбъ ѣмъ; хозяинъ полюбилъ меня; цѣлой годъ я у нихъ жилъ какъ нельзя лучше; но и тутъ не прошла мимо меня бѣда. У моего хозяина были сынъ и двѣ дочери, сынъ былъ женатъ и дочь за мужемъ, а другая жила въ другомъ селѣ у тетки. Хозяину вздумалось вызвать ее для того, что земли у него было много, а работниковъ мало; онъ послалъ за нею и она пріѣхала. Сперва шло все своимъ порядкомъ и мы принялись работать вмѣстѣ; дѣвка она была такая хорошая, такая веселая, бывало говоря да смѣясь и не увидишъ какъ проработаешъ весь день; а какъ идучи домой она на зарѣ запоетъ, то что твой соловей, такъ и заливается, и заслушавшись, забудешъ, что усталъ, и что надобно отдохнуть, вѣкъ бы шолъ съ нею, да слушалъ ее. Такъ прошло почти все лѣто, но подъ конецъ, какъ темная туча сѣла на меня; веселесть Параши навѣяла на меня какую-то грусть, которая какъ

тѣнь ходила за мною: когда другіе играютъ, смѣются, я хожу горюнъ горюномъ, а особливо когда соберутся играть въ хороводы, и Параша начнетъ пѣть да шутить съ кѣмъ нибудь, то вотъ такъ сердце и разрывается, такъ и разбираетъ охота съ кѣмъ нибудь подраться; хозяинъ часто меня спрашивалъ, отъ чего я грустенъ. Я тобою доволенъ, говорилъ онъ, и мнѣ хотѣлось бы, чтобъ и ты былъ доволенъ мною; скажи, молодецъ, чего тебѣ у меня недостаетъ? Но я обыкновенно говорилъ: всѣмъ доволенъ, а грущу »такъ« извѣстная поговорка, когда нечего сказать дѣльнаго. Наконецъ наступила глубокая осень и къ намъ стали ходить сваты, и тутъ моя болѣзнь перешла и къ Парашѣ. Она видимо объ чемъ-то тосковала; только, чудно: какъ на нее напала тоска, мнѣ стало какъ будто легче; иногда дивно было смотрѣть на насъ, какъ мы сидѣли въ разныхъ углахъ избы, повѣся головы, ну вотъ точно какъ на похоронахъ. Однажды-жъ, Ваше Благородіе, вотъ денекъ-то былъ. Рано по утру къ намъ пришолъ изъ ближняго села ста-

роста и говорилъ очень долго съ отцомъ Параши, и лишь только что ушелъ, то Парашу позвали къ отцу; онъ былъ очень веселъ. Слушай, Прасковья, сказалъ онъ: до сихъ поръ ты не находила себѣ жениха по сердцу; но теперь вѣрно не заупрямишься; тебя сватаетъ молодецъ, сынъ старосты Захара и завтра пришлютъ сваху, подумай объ этомъ, и о томъ, что я этого желаю. Дальше я ничего не слыхалъ, я не зналъ, какъ вылетѣлъ изъ избы. Я зналъ, что я люблю Парашу, но не зналъ какъ грустно терять то, что любишь; вотъ точно какъ будто сердце у меня вынули, да изщипали его на часточки, такъ оно болѣло; не взмилилось мнѣ ничто на свѣтѣ, я пошелъ въ сарай и принялся тамъ плакать; не много погодя пришла Параша и не видя меня, сѣла на солому и тоже начала плакать; мнѣ стало жаль ее, какъ будто бы у насъ горе общее; долго мы плакали и она казалось не видала меня, наконецъ я спросилъ ее: объ чемъ ты плачешъ, Парашинька? Она какъ будто испугалась, увидя меня передъ собою. Да вѣдь и ты самъ плачешь,

примолвила она, Мнѣ можно плакать, Парашинька, я горькой сирота, бобыль, у меня нѣтъ никого, кто бы любилъ меня, нѣтъ никакого счастія на бѣломъ свѣтѣ, одна только и была радость, да и ту люди хотятъ отнять. »Чтожъ у тебя отнимаютъ люди? спросила Параша, покраснѣвъ и не поднимая на меня глазъ? Тебя, Парашенька, неужто не знаешъ ты, какъ я тебя люблю, что по тебѣ только мнѣ и жизнь мила, и если не станетъ тебя, то только я и жилъ на свѣтѣ, кинусь въ воду! »Что ты, что ты, Павелъ, Богъ съ тобою! сказала испуганная Параша, бросясь ко мнѣ, за что ты хочешъ погубить двѣ души« я и сама умру по тебѣ съ горя. И закрывшись руками, она горько заплакала. Такъ стало и ты любишъ меня, Парашинька? сказалъ я, прижавъ ее крѣпко къ сердцу. Много было радостныхъ мнѣ дней, а слаще этого часу никогда не было, она моя голубушка такъ прижалась къ моему сердцу, какъ бы вѣкъ не хотѣла покидать меня. Весело, радостно, поцѣловалъ я въ первый разъ мою ненаглядную; какъ вдругъ, охъ Господи! и теперь безъ ужа-

са вспомнить не могу. Если бы въ то время обрушился на насъ сарай, то мы меньше бы испугались этого, чѣмъ голоса моего хозяина, который въ эту пору вошелъ въ него. »Ахъ вы окоянные! да что, вы тутъ дѣлаете? закричалъ онъ. Параша какъ снопъ повалилась на землю, а я остолбенѣлъ на мѣстѣ. За чѣмъ васъ чортъ суда принесъ? ну что же ты стоишь, болванъ, говори, за чѣмъ вы сюда пожаловали вмѣстѣ?—За тѣмъ, что больше я ничего не могъ придумать. —А вотъ постой, продолжалъ отецъ, я поговорю съ вами другимъ порядкомъ! и схватилъ Парашу за косу. Тутъ я кинулся, и схватя старика за руки, сказалъ: власть твоя, хозяинъ, но я ее бить не дамъ, коли хочешь бей меня, я одинъ виноватъ.—Что, не дашь бить ее? мнѣ, ея отцу? ахъ ты разбойникъ! постой, вотъ я съ вами справлюсь: ты повѣса дочька ступай въ избу, я тамъ разсчитаюсь съ тобою, а ты, соколъ, сей часъ вонъ съ двора и коли хочешь быть цѣлымъ, то не кажись мнѣ на глаза.

»Батюшка, кормилецъ, прости насъ, сказала Параша, обнявъ ноги отца. — Прочь

негодная, я съ тобою расправлюсь!— Сидоръ Петровичь, отецъ родной, сказалъ я, повалясь ему въ ноги, будь милостивъ, прости и не разлучай насъ! — Ахъ вы пострѣлы, завопилъ старикъ, да видно васъ надо заставить слушаться, и схватя Парашу потащилъ за собою; я какъ бѣшеный кинулся занимъ.— Слушай хозяинъ, ради Христа нетронь Параши, лучше прежде убей меня! Онъ ни слова не говоря отвѣсилъ мнѣ такую пощечину, что я свалился съ ногъ и, вытащивъ Парашу вонъ, заперъ меня въ сараѣ.

Тяжко, больно было мнѣ, Ваше Благородіе, но что было дѣлать, радость блеснула и затмилась, казалось мнѣ лучше умереть, нежели жить безъ нее.

Въ сараѣ сидѣлъ я всю ночь; она показалась мнѣ цѣлымъ вѣкомъ. Утромъ меня выпустили. Пришедшій за мною былъ братъ Параши.—Эй, Павелъ, тутъ ли ты? сказалъ онъ смѣясь, да что съ тобою? прибавилъ онъ взглянувъ на меня, ты какъ будто боленъ? «Такъ ничего, отвѣчалъ я; а гдѣ хозяинъ?—Батюшка въ избѣ и приказалъ кликнуть тебя къ себѣ; д

что у васъ съ нимъ вышло? онъ очень сердитъ на тебя, и говоритъ, что ты чѣмъ-то разобидѣлъ сестру. Это дурно, Павелъ, за сестру мы всѣ вступимся.

—А что она дѣлаетъ?

—Прасковья-то? ее вчера еще батюшка услалъ къ большой сестрѣ. Только мнѣ кажется она жаловалась батюшкѣ, потому что вышла изъ свѣтелки расплаканная и онъ съ тѣхъ поръ печалится и бранитъ тебя. »Пропала моя головушка, думалъ я, не видать мнѣ Параши и радостныхъ дней въ жизни. Съ грустью въ сердцѣ вошелъ я въ избу и сталъ возлѣ двери; старикъ былъ одинъ, онъ сидѣлъ за столомъ облокатясь на руку и былъ очень не веселъ. Прошло минутъ съ пять, а все мы молчали, старикъ не начиналъ говорить и я не смѣлъ начать, да и что я могъ ему сказать, я былъ виноватъ, по крайней мѣрѣ, въ его глазахъ.

Наконецъ онъ взглянулъ на меня и сказалъ: ну, побѣдная головушка, чтожъ теперь ты хочешь дѣлать?

—Мнѣ теперь нечего дѣлать на бѣломъ свѣтѣ, отвѣчалъ я, какъ только просить,

чтобъ ты простилъ Парашу и не клялъ бы меня. Съ этимъ словомъ я ему поклонился въ ноги. — Да еще, прибавилъ старикъ, не трогаясь съ мѣста, далъ бы вамъ способъ видѣться по вчерашнему. — Нѣтъ, хозяинъ, отвѣчалъ я, Христосъ тебѣ порукою, что я съ нею больше не увижусь, я и такъ согрѣшилъ предъ Богомъ и передъ нею, что довелъ ее до горя и слезъ. Жить безъ нея я не могу и наложу на себя руки. — Ахъ ты негодной, сказалъ старикъ, да не думаешъ ли ты, что сгубя душу свою, ты тѣмъ самымъ заплатишъ мнѣ за безчестіе и возвратишъ добрую славу моей дочери? Знаешъ ли ты, что поцѣловать дѣвушку наединѣ можетъ только женихъ, а если это сдѣлаетъ кто нибудь другой, тотъ срамитъ ее. Стало ты осрамилъ ее и хочешъ мнѣ за это заплатить тѣмъ, что наложишъ на себя руки. — Но этого кромѣ Бога и тебя никто не знаетъ. — Ахъ ты, пустая голова, да для честнаго человѣка довольно самому знать про свое дурное дѣло. Какъ она теперь посмѣетъ взглянуть прямо на жениха, или мужа, цѣлованная тобою?

—О! брани, бей меня, Сидоръ Петровичь, только прости Парашу и не сердись на нее.—Да велика мнѣ польза въ томъ, что я побью тебя! что сдѣлано, того не исправишъ побоями, и я не за тѣмъ призвалъ тебя; потомъ вздохнувъ продолжалъ: «я ни за что въ мірѣ не отдалъ бы за тебя Прасковью прежде, но теперь ты долженъ на ней жениться; недумай, что я прощаю васъ, совсѣмъ нѣтъ. Прощеніе ты купишъ будущею жизнію и трудами; вы сами себя накажете за непокорность, ты тѣмъ, что не имѣя ничего, долженъ содержать жену, а она—что предпочла бѣдность избытку и огорчила меня на старости лѣтъ.» Я незналъ, что мнѣ дѣлать: старикъ такъ неожиданно осчастливилъ меня; но въ эту минуту я былъ очень опечаленъ, видя его горе. Если бы онъ билъ и бранилъ меня, я бы просилъ у него прощенія, а то онъ такъ милостиво обошелся со мною, исполнилъ то, объ чемъ я и думать не смѣлъ, и я готовъ былъ плакать; однако же я все было хотѣлъ поблагодарить его, но онъ прервалъ меня.—Не досаждай мнѣ благодарностію, я сердить на тебя.—

На другой день послали за Парашею и насъ помолвили; въ семьѣ старикъ былъ очень уважаемъ, и потому ему никто не смѣлъ возражать на счетъ свадьбы, посторонним же старикъ говорилъ, что ему нуженъ работникъ въ домѣ, и что я пришелся ему по сердцу. Свадьба наша была назначена чрезъ недѣлю; но повѣрите ли, Ваше Благородіе, что есть люди, которымъ на роду написано никогда совершенно не радоваться, вѣдь ужъ кажись чего мнѣ недоставало, я горькой сирота и вступилъ въ семью добрую, уважаемую; Параша, которую я любилъ такъ горячо, принадлежала мнѣ, стало я былъ счастливъ. Но радость мою уничтожила Парашина грусть, старикъ все сердился на насъ, и семья, которая любила меня какъ хорошаго работника, не хотѣла любить какъ роднаго, и хотя не вслухъ, а про себя роптала на старика за эту свадьбу, и лучшія минуты жизни были отравлены неудовольствіемъ окружающихъ.

Наконецъ день свадьбы насталъ; Парашу со слезами благословили и повезли въ церковь, а меня горемышнаго и благосло-

вить было не кому: старушка моя тогда уже была въ сырой землѣ, а родные не хотѣли быть на свадьбѣ, сердясь за то, что я не посовѣтовался съ ними на счетъ женидьбы, счастіе мое ихъ не радовало, и такъ чужіе благословили меня холодной рукою. Ни одной слезы, ни одного вздоха къ Богу о моемъ счастіи не было при моемъ благословеніи, отъ того-то и жизнь моя была горькая. Послѣ свадьбы, правда нечего гнѣвить Бога, я былъ нѣсколько времяни счастливъ, старикъ скоро простилъ насъ, видя, что мы были счастливы, ужъ разумѣется я дѣлалъ все, что было ему по сердцу, да и чего бы я не сдѣлалъ для счастія моей Прасковьи.«

Тутъ старый солдатъ замолчалъ: онъ мысленно перенесся въ прошедшее. Нѣсколько минутъ онъ сидѣлъ задумавшись, потомъ вздохнувъ продолжалъ:

—Перемѣнчива судьба! если бы мнѣ кто нибудь сказалъ годовъ двадцать тому назадъ, что Прасковья моя разлюбитъ, забудетъ меня, я бы ему засмѣялся въ глаза; какъ мы жили дружно, какъ любили другъ друга, это на рѣдкость! у насъ была одна душа! бывало коли одинъ

изъ насъ грустенъ, такъ и другой ходитъ повѣся голову, одному весело и другой смѣется; коли она бывало захвораетъ, то мнѣ это тяжелѣе моей болѣзни; ну словомъ сказать, у насъ было и радость и горе общее; надъ нами бывало смѣются, и говорятъ, что насъ должно кормить поочередно, день мужа, а другой жену, коли одинъ изъ нихъ поѣлъ, стало и другой сытъ. Къ году, Ваше Благородіе, Господь благословилъ насъ сынишкомъ; но съ этимъ для насъ счастіемъ и горе навѣстило насъ: старикъ нашъ захворалъ и, недѣли чрезъ три, отправился по неминуемой дорожкѣ. Больно, грустно было мнѣ потерять его, я почиталъ его какъ роднаго отца и онъ любилъ меня какъ сына, онъ составилъ мое счастіе. Согласитесь, Ваше Благородіе, не всякой бы то сдѣлалъ, что онъ: въ продолженіи всей жизни онъ мнѣ ни разу не попрекнулъ сдѣланнымъ добромъ; еще бывало скажетъ, если ему хотя малымъ чѣмъ угодишь: спасибо, Павелъ, я доволенъ тобою, или еще: ты, Павелъ, добрый малой и лучшаго мужа не найдти бы моей Прасковьѣ. Я зналъ, что

это онъ говорилъ, чтобъ окуражить меня; за это я его любилъ душою, готовъ былъ для него на все, и я грустилъ и плакалъ отъ чистаго сердца опуская въ землю старичка отца.

Нужно ли говорить, что, послѣ его смерти, въ домѣ все перемѣнилось. При другомъ хозяинѣ сталъ другой порядокъ, при старикѣ мы были всѣ равны, а тутъ братъ сталъ показывать, что мы меньше его значимъ въ дому, и Параша попала подъ начальство невѣстки; и такъ мы лучше захотѣли раздѣлиться. Намъ дали домъ и землю на тягло. Трудно было намъ, Ваше Благородіе, тяжело было моей женѣ привыкать отъ хорошей жизни къ худой: тамъ у насъ былъ домъ какъ полная чаша, а тутъ мы видѣли многіе въ хозяйствѣ нашемъ недостатки; вдругъ никакъ нельзя было всѣмъ обзавестись. Но повѣрите ли, Ваше Благородіе, что въ эту-то пору мы были очень счастливы взаимною одинъ къ другому любовью. Параша глядя на меня радовалась, а я не зналъ и мѣры моей радости. Прошелъ еще годъ, мы исправились и завелись хозяйствомъ, хотя

не большимъ, да мы большаго-та и не желали, но съ этимъ годомъ и счастіе мое кончилось. Осенью прислали къ намъ новаго управителя на смѣну стараго; вотъ пріѣхалъ новый управитель, молодецъ собой и сначала показался такимъ милостивымъ, ну а намъ вѣдь все равно, тотъ, или другой, былъ бы только добрый человѣкъ. Мѣсяца съ два жилъ онъ и хорошо и смирно, — но, Ваше Благородіе, всему бываетъ конецъ: и моему счастію и его смиренію пришелъ конецъ. Однажды, какъ сей часъ помню, повѣстили нашимъ бабамъ нести на барской дворъ оброчную холстину, и моя жена пошла съ прочими; это было по утру, къ обѣду она воротись домой и не могла нахвалиться управителемъ; какой онъ доброй, милостивый, говорила она мнѣ, какъ ласкаво обходится, я поларшина не донесла оброка, иной бы и невѣсть какъ раскричался, а онъ, Павелъ, простилъ мнѣ. Спасибо ему, сказалъ я; тогда я не зналъ еще, Ваше Благородіе, что это не стоило благодарности. На другой день мою жену опять позвали на барской дворъ. За чѣмъ?

спросилъ я у старосты. Управитель приказалъ, отвѣчалъ онъ. Жена пошла, а у меня точно змѣя впилась въ сердце и Богъ знаетъ отъ чего. Сердце вѣщунъ. Вотъ часа чрезъ три возвратилась моя жена. Ну что, за чѣмъ спрашивалъ? былъ мой первой вопросъ. Да Богъ вѣсть зачѣмъ, отвѣчала моя жена, говорилъ онъ со мною обо всемъ: и какъ живешъ? и что у насъ есть? Давноли я за мужемъ? Люблю ли я тебя? и отпуская, поцѣловалъ меня, сказала она покраснѣвши. Ахъ, чортъ его возми, да какъ это онъ можетъ! развѣ онъ за тѣмъ у насъ прикащикомъ, чтобъ звать къ себѣ нашихъ женъ и цѣловать ихъ? Съ этихъ поръ тебѣ не быть у него. А коли онъ опять пришлетъ, то чтожъ дѣлать, Павелъ? Тогда я самъ пойду къ нему. Но прошло два дня, Параша была дома и я успокоился, на третій день въ обѣденную пору вдругъ пожаловалъ къ намъ управитель; больно не радъ былъ я этому гостю; но вытолкать его не могъ и не смѣлъ. Ну каково поживаете? спросилъ онъ, довольны ли вы старостою? Все ли у васъ есть? — Да, по милости Бога

живемъ хорошо, отвѣчалъ я.—Но изба та у васъ старенька, продолжалъ онъ,—вамъ надо новую. Благодаренъ вашей милости, но есть много у которыхъ избы еще хуже нашей, а мы въ своей живемъ счастливо и покойно.— Нѣтъ, твоей хорошенькой женѣ надо жить въ хорошенькой избѣ, не правда ли, душа моя? а ты за это будешъ любить меня и поцѣлуешъ. —Любить и цѣловать она можетъ только своего мужа, а другіе этого напрасно будутъ домогаться.—Что же за бѣда, сказалъ онъ, смѣясь, вѣдь я не гоню мужа отъ жены.—Смѣю доложить вашей милости, сказалъ я тресясь отъ сердца, что ни вамъ говорить, ни намъ слушать непристойно такія рѣчи.—Ну тебѣ ли мужику судить, что долженъ я говорить, только для твоей жены я прощаю тебѣ твою дерзость; прощай, моя краса, мы съ тобою увидимся, сказалъ онъ, и ушелъ. По уходѣ его жена моя стала плакать. Да объ чемъ ты плачешъ, сказалъ я. Боюсь онъ опять придетъ къ намъ. Ну если онъ и придетъ, за дѣломъ, то его воля, но если безъ дѣла, по худому умыслу, то я ему переломаю ребра.

Вотъ такъ-то, Ваше Благородіе, на мое добро и счастіе сталъ нападать лихой человѣкъ. Суди ему Богъ, но судъ его впереди, а мнѣ было грустно.

Однажды Параша молотила на барскомъ гумнѣ, а я былъ занятъ на барскомъ дворѣ. Конча работу, мнѣ захотѣлось посмотрѣть, что она дѣлаетъ, прихожу и вижу, что нехристь обнимаетъ ее и цѣлуетъ, цѣлуетъ при всѣхъ. Страмитъ меня при всѣхъ. Не вытерпѣлъ я, да и кто жъ бы стерпѣлъ это на моемъ мѣстѣ; я какъ ястребъ налетѣлъ на него и однимъ толчкомъ далеко отбросилъ отъ жены, всѣ ахнули, а я сказалъ нахалу: послушайте, если вы еще тронете мою жену, то суди тогда Богъ обоихъ насъ, а быть бѣдѣ. Можете судить, Ваше Благородіе, что это мнѣ не прошло даромъ: меня обиженнаго сочли обидчикомъ, и по приказу управителя связали и на другой день высѣкли. Три дня я сидѣлъ въ деревенской тюрьмѣ, на четвертой меня выпустили и я побѣжалъ домой.

Прижавъ жену къ сердцу, я забылъ все, и побои и грусть, она осыпала меня и ласками и поцѣлуями, она смѣялась и плакала; грустно было мнѣ смотрѣть на ея слезы, и я сказалъ: не плачь Параша, перестань горевать; что случилось, того впередъ не будетъ. Не всегда же злому будетъ воля на зло. Охъ, Павелъ! полно такъ ли, а мнѣ кажется не избыть намъ бѣды. А почему.? Потому, что онъ хочетъ, какъ самъ мнѣ сказывалъ, отдать тебя въ солдаты. Меня въ солдаты? ахъ, онъ разбойникъ, да за что? ему этого неудаться, я найду на него судъ; но я не зналъ тогда, что сильному Богъ судья; а въ этомъ мірѣ на сильнаго и богатаго не всегда есть судъ и не всегда есть расправа.

И такъ я хотѣлъ было подать на него просьбу къ барину; но тутъ было большое препятствіе: кому написать просьбу? я самъ не зналъ грамотѣ; да и во всей-то деревнѣ знали писать староста да церковники; я было къ нимъ; но они боясь управителя, не согласились, и староста мнѣ

сказалъ: Эхъ, братъ, пустое ты затѣваешъ, ну съ кѣмъ пошлемъ просьбу, самъ ѣхать не можешъ, а ее никто не повезетъ; ну кому хочется попасть въ бѣду, а еще и господа повѣрютъ ли тебѣ; а коли не повѣрятъ, то ужъ навѣрное солдатъ. Смирися, будетъ лучше, не ты первой и не ты послѣдній съ хорошенькой женою попадаешся въ бѣду. Ему хорошо было говорить это, а мнѣ, Ваше Благородіе, мнѣ это было хуже смерти, хуже разлуки съ нею. Чтожъ дѣлать? Сталъ думать и придумалъ. Пойду въ солдаты, освобожу себя и жену. Царская служба счастіе доброму человѣку. Сказалъ женѣ; она плакала, горевала. Я утѣшалъ ее: ты будешъ свободна и избавишся отъ притѣсненія. Я это дѣлаю для тебя. Не плачь и не забудь меня, долго или коротко, но я возвращусь къ тебѣ. Вотъ что я сдѣлалъ для жены. Послѣ узнаете, Ваше Благородіе, что и она для меня сдѣлала. Съ той поры сталъ я искать ссоры съ управителемъ. Случай не замедлился. Отойти отъ зла трудно, а найти на зло легко. Повѣщено было крестьянскимъ бабамъ идти мыть

полы въ барскомъ домѣ. Я не пустилъ мою жену, но нанялъ за нее другую; спустя нѣсколько времяни, пришелъ староста съ вопросомъ, почему не сама Прасковья на работѣ? Да потому, что я не пустилъ, и потому, что за нее работаетъ наемная. Ей, Павелъ, худо тебѣ будетъ, говорилъ староста, не забудь, что теперь наборъ; иди же къ управителю. Я пришелъ. Какъ ты смѣлъ, спросилъ онъ меня, не пускать жену на барщину? Для барской работы, я за нее нанялъ. Для чего же ей тамъ быть, гдѣ работала за нее другая? Грубіянъ! такъ ты еще и учить меня вздумалъ! Я приказалъ и ты ослушался!—Въ такомъ случаѣ всегда ослушаться буду. —Ну такъ я тебѣ докажу.—А что докажете? наказанія я не боюсь. А въ солдаты отдать меня не посмѣетѣ.—Увидишъ, смѣю или нѣтъ. Возмите его!—сказалъ онъ старостѣ, и меня взяли; на другой день повезли въ городъ, а на третій отвели въ пріемную. Вотъ хитрость моя удалась мнѣ; казалось, я обманулъ управителя, но вышло, что обманулся самъ. Меня осмотрѣли, смѣрили и закричали: лобъ Слово это потрясло меня,

сердце замерло. Отъ чего—отъ разлуки съ женою и сыномъ. Печаль, что оставляю ихъ безъ помощи, смутила меня; но подумалъ, бѣднымъ Богъ помощникъ. Ему я и поручилъ ихъ. Изъ пріемной отвели меня съ прочими на квартиру и отдали всѣхъ рекрутъ унтеру. Не скоро, Ваше Благородіе, выправишъ мужицкія ноги. Унтеръ доброй и прилежной къ своему дѣлу, шесть недѣль хлопоталъ съ нами и наконецъ кое чему обучилъ; въ это время пришла ко мнѣ жена моя вмѣстѣ съ сыномъ, худая, печальная и въ слезахъ. Тутъ опять стало сердцу больно, что оставляю ихъ; но судите, Ваше Благородіе, чѣмъ же можно было избавиться отъ супостата, какъ не службой Царской; онъ тѣснилъ, обижалъ и домогался мнѣ всякаго зла. И дерево подъ пилою визжитъ, а всегдашнее притѣсненіе стоитъ доброй пилы для сердца. Пришло время идти въ походъ. Все мое наслѣдство отъ покойной матери былъ серебряной складень. Это было ея благословеніе. Я его продалъ за 15 рублей и отдалъ ихъ женѣ. Наконецъ съ нею простился, благо-

словилъ малютку сына и поцѣловалъ мою Прасковью въ холодныя губы. Она упала на землю. Скомандовали маршъ...«

Тутъ у старика солдата навернулись слезы на глазахъ и онъ задумчиво наклонилъ голову на грудь. Не много спустя продолжалъ:

»Намъ велѣно было идти въ Смоленскую Губернію, гдѣ тогда стоялъ нашъ полкъ. Товарищи мои скоро свыклись съ своею жизнію; но я, Ваше Благородіе, я очень страдалъ. Сынъ и жена не выходили у меня изъ памяти ни день ни ночь. Три недѣли мы были въ походѣ и эти недѣли показались мнѣ вѣкомъ. Наконецъ пришли къ мѣсту назначенія и насъ размѣстили по ротамъ; въ народѣ былъ тогда слухъ о войнѣ. Такъ и сбылось; всѣмъ намъ велѣно было подвинуться ближе къ границѣ. Товарищи мои новобранцы не всѣ радостно услышали вѣсть эту; а мнѣ было все равно, сидѣть ли въ Смоленской Губерніи, или идти на край свѣта. И тутъ и тамъ былъ я одинъ. И такъ мы двинулись впередъ. Все шли,

да шли; думали, что на границѣ остановимся, но начальство приказало идти далѣе и мы очутились въ Нѣмецкой землѣ. Тутъ много было дѣла. Мы дрались съ Французами, но Нѣмцы и при нашихъ силахъ не устояли. Правда сила у Французовъ была несмѣтная: гдѣ они набирали такую гибель народа? Какъ будто изъ земли выходили! Вотъ Нѣмцы и на попятный дворъ, а мы пошли домой. Правда было и намъ отъ нихъ горе, да мы не то, что другіе. Какъ пришли они къ намъ въ гости, то угостили ихъ. Отъ Москвы до Парижа, на каждой верстѣ легло ихъ несмѣтное число: зашелъ звѣрокъ въ клѣтку, тутъ сняли съ него шкурку. А какая была у него головка, да не снесла Рускаго щелчка. Таить нечего, и они люди бойкіе. Голоденъ и холоденъ, а смѣется, поетъ и пляшетъ. Зародилъ же Богъ такихъ людей; скоро ли они изведутся, а много отъ нихъ смуты бѣлому свѣту.

Сначала какъ вступилъ въ службу, писалъ я къ женѣ, на первыя письма былъ отвѣтъ, а на другія нѣтъ. Я думалъ, умер-

ла она съ горя обо мнѣ; но послѣ нашлось, что она живетъ для горя моего. Много было походовъ, какъ Вашему Благородію извѣстно. Въ послѣднюю кампанію меня ранили; хотя, по власти Господней и по старанію полковаго доктора, и выздоровѣлъ я; но въ это время, по выслугѣ срочныхъ лѣтъ отставленъ былъ отъ службы. Получа отставку, я немедленно отправился домой. Мнѣ хотѣлось скорѣе увидѣть жену и сына. Онъ теперь ужъ большой, думалъ я, какъ онъ мнѣ обрадуется, какъ обрадуется жена моя. Вотъ прихожу къ своей родинѣ; но еслибъ зналъ, что найду въ ней, то остался бы навсегда въ службѣ Царской; тамъ безъ родныхъ я бы не былъ, тамъ всякой товарищъ братъ. Около вечерней поры подхожу къ селенію и прежде всего вижу церковь, гдѣ я былъ крещенъ и вѣнчанъ и гдѣ покоится умершая старушка мать моя. Я усердно помолился храму Божію и низко, низко поклонился родной землѣ. Вотъ, думалъ я, пришелъ къ тебѣ твой страдалецъ на покой. Ищу старой избы своей; но тамъ, гдѣ она была, нашелъ пустое мѣсто, а дальше отъ

него увидѣлъ я новую хорошую избу, возлѣ которой стояло много народу, а въ избѣ свѣтло свѣтилось. Я подошелъ къ ней и спросилъ у первой попавшейся мнѣ старушки: Скажи, тетушка, не знаешъ ли, гдѣ живетъ Прасковья солдатка. — Какая батюшка?—Ну дочь Сидора Петровича, на которой былъ женатъ крестьянинъ Павелъ отданный въ солдаты.—Знаю, знаю, да ты стоишъ передъ ея избою.—Такъ тутъ она, и жива?—Да отъ чего же ей умереть, отъ радости не умираютъ; да ты, господинъ служивой, не сожитель ли ея.—Нѣтъ, тетушка, но я принесъ ей отъ сожителя поклонъ.—Ну, батюшка, не во время пожаловалъ, ей недосугъ, она въ хлопотахъ, у ней свадьба.—Свадьба, повторилъ я, стало она сына женитъ?—И нѣтъ, сынка-то она женила еще лѣтошнимъ годомъ, а теперь дочь отдаетъ замужъ.—Какую дочь? у нея послѣ мужа остался одинъ только сынъ.—Э! да тотъ пошелъ по батюшкиной дорожкѣ, онъ въ солдатахъ, а это тѣ, которые родились у нее послѣ мужа; да, продолжала старушка, она не права передъ нимъ, онъ за нее пострадалъ сердечной, а она

безъ него сошлась съ управителемъ; польстилась на ласки и дары и забыла своего страдальца. Худо, очень худо сдѣлала! — Эта вѣсть, какъ громъ поразила меня. Такъ вотъ за чѣмъ, думалъ я, шелъ на родину, чтобъ видѣть жену измѣнницу, невѣрную и не видать сына, на котораго надѣялся, что онъ успокоитъ мою старость и дастъ мнѣ послѣ долгаго странствія, кровъ и жилище. Гдѣ же теперь я найду ихъ. . . »

Тутъ у старика покатилися слезы по его смуглому, загорѣлому лицу. Чтожъ ты, спросили мы его, развѣ послѣ этой вѣсти не хотѣлъ видѣть жены?

»Нѣтъ видѣлъ, отвѣчалъ онъ, утирая слезы. Невѣсту повели въ церковь, мать по обычаю осталась дома, а гости и народъ пошли за невѣстой, и я вошелъ въ избу. Мнѣ хотѣлось самому узнать, что она скажетъ, когда напомнить ей о мужѣ. Здорово, Прасковья Сидоровна, сказалъ, я помолясь Святымъ иконамъ, я принесъ тебѣ радостную вѣсточку, поклонъ отъ сожителя. Какъ? сказала она, не узнавши меня, неужто онъ забубенная головушка

все еще шатается по бѣлому свѣту. Чѣмъ же онъ забубенной,? спросилъ я. Я его знаю, онъ человѣкъ тихой, доброй и хорошій. Да, батюшка! развѣ теперь исправился, а то по его милости пила я горькую чашу, оставилъ меня одну съ сиротами, довелъ себя своимъ буйствомъ до того, что нехотя отдали въ солдаты. Неужто за буйство? Да, батюшка! ужъ такой былъ сорви-голова. Бывало напьется, да и давай буянить. Нѣтъ спуску ни большому, ни малому. Управитель у насъ человѣкъ доброй и богобоязливой, бился съ нимъ не мало и не могъ миновать, чтобъ не сбыть со двора. Грѣхъ моихъ ради и сынокъ его былъ такой же негодяй, да туда же и пошелъ, куда отецъ! »Вотъ что я отъ нее услышалъ. Какъ люди перемѣняются, подумалъ я, а пуще бабы. Я оставилъ мою Прасковью доброю, а нашелъ злою бабою и клеветницею. Прощай же, Прасковья Сидоровна, сказалъ я, не стану пересказывать того твоему сожителю, что онъ самъ слышалъ, и съ этимъ словомъ вышелъ изъ избы: для чего было оставаться мнѣ? Объявить ей волю мою, что я съ нею

жить хочу? но она уже того не стоила. Я рѣшился кинуть ее, какъ негодную, и скитаться съ моимъ горемъ одному по бѣлому свѣту. Грустно было мнѣ оставаться тамъ, гдѣ все напоминало мнѣ тяжкое мое горе. Я не шелъ, а бѣжалъ изъ родной стороны и ночевалъ тамъ, гдѣ встрѣтилъ Ваше Благородіе.«

Разсказъ служиваго поселилъ въ насъ сожалѣніе о немъ, и мы съ грустью въ душѣ возвратились домой. Чрезъ годъ я спросила у моего знакомаго: а что дѣлаетъ вашъ старикъ солдатъ? Отдыхаетъ возлѣ сына, былъ отвѣтъ.

LIBRARY OF CONGRESS
00025325886